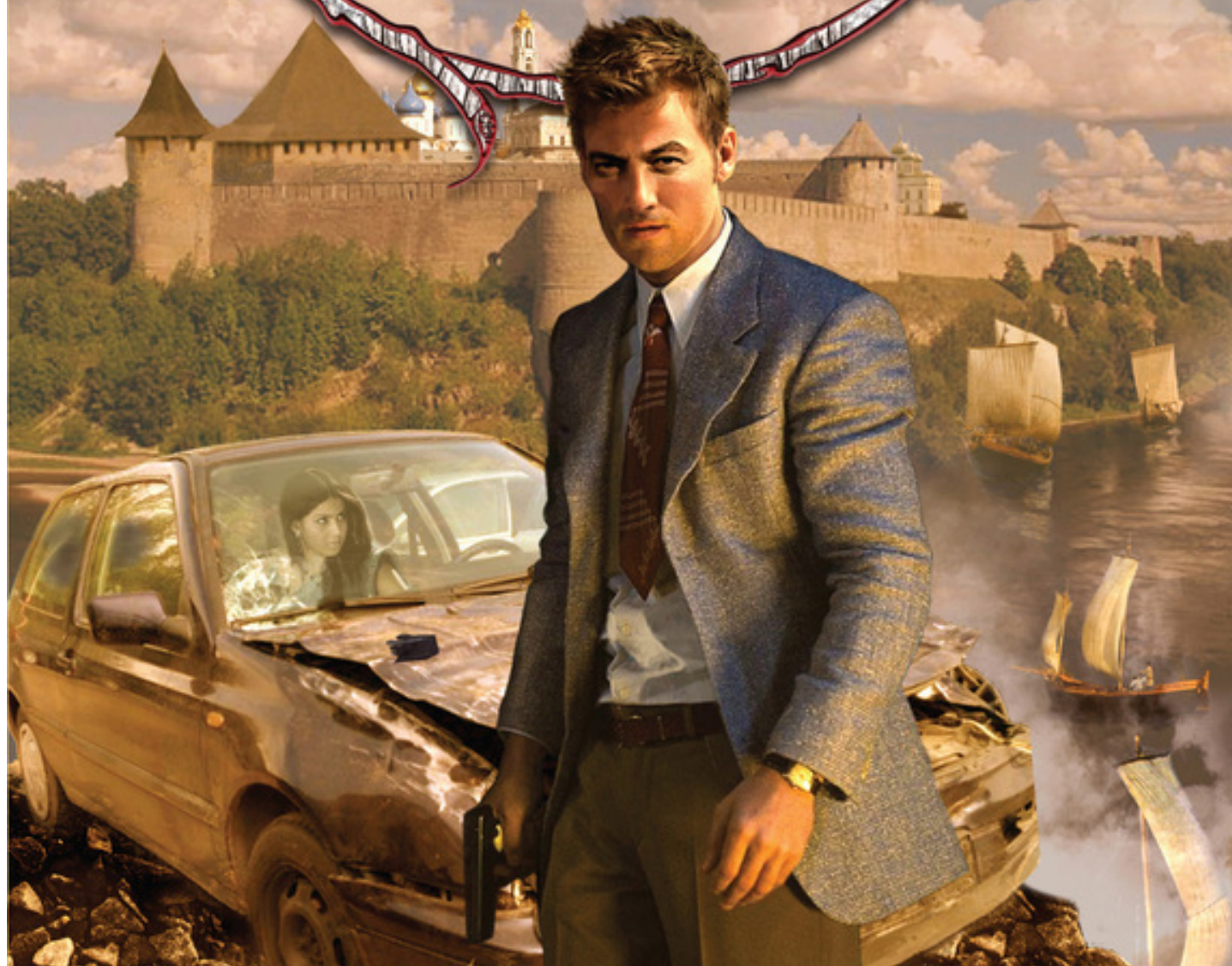

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ЧЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ

ВОЛЯ НЕБЕС

Честь проклятых

Александр Проzorов

Воля небес

«ЭКСМО»

2014

Прозоров А. Д.

Воля небес / А. Д. Прозоров — «Эксмо», 2014 — (Честь проклятых)

Продолжение нового цикла Александра Прозорова, автора легендарного «Ведуна» и цикла «Ватага»! Кровавая эпоха Ивана Грозного. Могущественная Османская империя двинула на Русь несметные орды с юга, коварная Польша нападает с запада, Швеция – с севера. Внутри страны князя плетут бесчисленные заговоры. В это трудное время царь поручает верному боярину Басарге Леонтьеву важнейшую миссию – охрану убруса – полотенца с отпечатком лика Иисуса Христа... Отдаленный потомок Басарги, наш современник Евгений, вместе с неугомонной спутницей Катериной напрягает последние силы, чтобы уберечь православную святыню...

Содержание

Отчет	6
Вологда	19
Вологда	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Прозоров

Воля небес

© Прозоров А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Отчет

Крепкий рождественский мороз щучьей пастью жадно кусал воеводу за нос и щеки, вонзая в них десятки крохотных, но острых зубов, норовил пробраться за ворот к поддоспешнику, расстелиться там по спине зябкой исподней рубахой – и это ему, как назло, успешно удавалось. Великовата стала в последние месяцы толстая войлочная куртка, растянута, а потому коробилась под новеньким, жалованным князем Скопиным юшманом, пропускала холод к телу. Или это сам он похудел за последние полгода, проведенные в седле и сечах? Уже и забыл, как постель обычная выглядит, как жена улыбается, как дети смеются. Только крылья гусарские да пороховой дым постоянно перед глазами...

Боярин Щерба Котошкин оглянулся, привстав на стременах. Обоз, доверенный ему князем, аккуратно появился из-за излучины примерно в полуверсте позади: смешанная с монахами полусотня стрельцов, вслед за которыми тянулись скрипучие сани с припасами, немногочисленным добром и малыми детьми.

Дети постарше скакали здесь, следом на ним, в передовом дозоре. Полтора десятка безусых юнцов с саблями на поясе, бердышами за спиной, все в одинаковых добротных налатниках из рысего меха, в енотовых шапках, на лошадях в одинаковой упряжи. Да и вообще смотрелись одинаково, прямо как близнецы-братья. Откуда взялось разом столько похожих новиков¹ возле заброшенного в двинских лесах монастыря? И захочешь догадаться, но объяснения не придумаешь. Между тем вопросов лишних князь Михаил Васильевич велел не задавать.

Чем дальше, тем меньше нравилось боярину и воеводе Котошкину данное ему поручение.

Стрельцы за обозом пришли из Елабуги. А юг Руси, известное дело, царю Василию присягать не стал, не поверил в справедливость его воцарения. Посему выходит – боярин Щерба с холопом в одной рати с бунтовщиками оказался. Монахи – с саблями на поясе в путь отправились. Епископ так и вовсе бахтерца под рясой не скрывает. Броню, так выходит, заместо вериг носит. Да еще новиков с полсотни, одинаковых с лица, ровно слуги из сказки. А из ценностей в обозе – токмо детишек под сотню, по десятку на санях, припас в дорогу да рухляди несколько сундуков. И что в нем с таким тщанием сторожить?

Сомнения теснились в голове боярина – глаза же привычно стреляли по сторонам, определяя удобные для нападения места: берег пологий с густым ивняком, близко к руслу подступающий, или камышовые заросли, или невысокий склон, опушенный кустарником. В подозрительных местах бывалый воин присматривался к кронам – не осыпался ли иней? – оценивал нетронутость наста, принюхивался, выискивая посторонние запахи. Раз поручили – стало быть, дело свое исполнять надобно со всем тщанием, не ленясь и не сомневаясь. Да и то слово: раз сам князь храбрый, именитый, победами себя покрывший, не просто знает об обозе сем, но и печется о том особо – стало быть, есть в нем что-то ценное; ему, худородному, непонятное...

Ноздри защекотал еле уловимый аромат дымка. Коли не принюхиваться – так и не заметишь. Боярин Щерба скосил взгляд на кустарник слева от себя, отметил куда более темные, нежели в других местах, ветви. Наст между зарослями и накатанным по речному льду тракту был ровным и гладким, искрящимся, нетронутым. Коли не приглядываться – так тоже не заметишь, что не слежавшийся он, а рыхлый, словно только что после снегопада.

Воевода приглядываться не стал, даже головы не повернул. Спокойно проехал мимо опасного места, увел дозор за излучину и только тут, обернувшись к новикам, поднял к губам палец, скинул налатник, насадил на луку седла шапку, надев вместо нее шишак, перехватил щит с крупа коня, спешил и быстро направился к обрывистому берегу.

¹ Новик – молодой боярский сын, впервые выступивший в поход и еще не попавший в Разрядную книгу.

Место для засады было выбрано идеально. С одной стороны – берег пологий и заросший, позволяющий неожиданно выскочить, быстро сблизиться для схватки, а после победы – удобно утащить добычу с глаз случайных путников. С обратной стороны мыска берег был крутой, двухсаженной² высоты, и защищал нападающим спину.

Однако одно дело – быстрая жаркая сеча, и совсем другое – спокойный подъем. Дозор оторвался от основного обоза почти на полверсты, а значит, с четверть часа времени в запасе имелось.

Стараясь не ломать тонкой поросли – промороженные ветви хрустят так, словно из пищалей кто стреляет, – боярин стал карабкаться на склон, цепляясь за стволы осин вниз, а потом перехватывая длинные сосновые корни. Сзади старательно сопел Карасик, время от времени упираясь головой боярину в седалище и подталкивая вверх. Новики повели себя ловчее: сперва, встав по двое, подпихнули вверх одного из товарищей. А потом тот, зацепившись за корни или комли деревьев, опустил вниз бердыш, позволив товарищам ухватиться за ратовище и забраться к нему.

Впрочем, боярин Щерба все равно успел первым, пробрался чуть вперед и присел за деревом, осматривая опасное место с тыла.

Увиденное большой радости ему не доставило. Засаду на проезжих людей устроили здесь не несколько душегубов, ищущих добычу слабую и незащищенную, а бойцы опытные и хорошо снаряженные. Под прикрытием кустарника они построили целую крепость из снежных блоков – со стенами, в которых были пробиты бойницы, с лежаками, застеленными кошмами и шкурами, со смотровой площадкой, стоящий на которой мужик в тулупе хорошо видел реку поверх ивовых зарослей. Перед стенами имелись приготовленные для боя рогатины, щиты, у бойниц лежали пищали – к счастью, с незапаленными еще фитилями. Разбойников на кошмах лежало и сидело восемь воинов: плечистых бородачей в стеганых тегиялях и татарских ватных халатах, в теплых тулупах, под которыми вполне могли скрываться кольчуги.

Восемь явно бывалых воинов против полутора десятков безусых мальчишек!

Однако выбора у боярина Щербы не было – не отступать же, отдавая обоз душегубам на разорение? После залпа из пищалей, да неожиданного нападения, да при опытности врага – шансов устоять даже у стрелецкой полусотни будет немного. Ныне же преимущество неожиданности у него...

Боевода отклонился назад, посмотрел вправо и влево, проверяя готовность маленького отряда. Все новики были уже наверху и тоже таились, пригибаясь к самому снегу. Свои бердыши все они сжимали в руках. Боярин Котошкин медленно, но красноречиво потянул саблю из ножен, давая сигнал к началу, так же медленно выпрямился во весь рост, подавая пример, перехватил удобнее щит и первым молча ринулся вперед.

Татей дозорные застали врасплох – в первый миг на лицах мужиков не читалось ничего, кроме немногого изумления. Однако бежать с мыса до кустов было почти двадцать саженей, и разбойники успели спохватиться, разобрать оружие и повернуться лицом к нападающим.

Щербу встретили сразу два копья – боярин налетел на них щитом, усилив удар плечом, и тут же толкнул вверх. Толчок вырвал рукоять щита из рук, но зато воин смог поднырнуть под ратовище, рубануть саблей врагов по коленям и рвануть дальше, за их спины.

– А-а-а!!! – Прямо на него со смотровой площадки спрыгнул густобровый мужик явно татарской внешности, однако сбить с ног не смог. Щерба успел отпрыгнуть, втянуть живот, пропуская перед самым брюхом стремительный боевой топорик, рубанул врага по руке. Но удар получился слабым, скользящим. Тулуп – прорезал, до мяса – не достал.

Татарин снова резко выдохнул. Боярин Котошкин попытался парировать направленный в лицо удар, но топорик – не сабля, выбил клинок с легкостью, едва пальцы при этом вдобавок

² Сажень – мера длины, равная росту человека.

не переломав. Хорошо хоть, Щерба с линии удара отклонился – в грудь не попал, плашмя в плечо шлепнул.

Теперь взревел уже Котошкин, кидаясь вперед, врезаясь плечом татарину в подбородок. Тот устоял, перехватив врага левой рукой за горло, а правой вскидывая топорик. Боярин успел первым – выдернул из ножен косарь и сразу резанул им разбойника под подбородком. Рука на горле разжалась. Воевода отступил, покрутил головой в поисках сабли, добежал, подхватил...

– Береги-и-ись!!!

Щерба выпрямился – и увидел, что из глубины леса к месту схватки бегут еще два десятка разбойников. Причем иные – с пищалями. Вот двое встали, вскинули стволы.

– О господи! – только и успел выдохнуть воевода, как оглушительно грохнул залп, и все новики полегли, словно трава, да и сам он опрокинулся на спину от тяжелого, словно кувалдой, удара чуть ниже левого плеча, выбившего дух из груди и на несколько ужасных мгновений остановившего сердце.

«В обозе слышат! – мелькнула мысль облегчения. – Теперь стрельцов неожиданно не застанут. Полусотней с татями справятся...»

Над мыском поползли облака дыма, из которого один за другим набегали разбойники с пиками и обнаженными саблями.

И тут вдруг убитые новики встали, в воздухе мелькнули их огромные бердыши, снося первых из врагов, рассекая их тулупы и зипуны, срубая головы и поднятые руки. Мальчишки быстро и уверенно пошли вперед, ловя клинки на поставленные поперек широкие длинные лезвия, чтобы потом резким рывком провести ответные удары, неизменно достающие до человеческих тел. Новики двигались широко, но в два ряда. Задний оберегал переднего, отбивая направленные в него пики, либо колол отвлеченного своим товарищем врага в живот или ребра, передний парировал сабельные удары, рубил и резал, держа бердыш ближним хватом. Все вместе это напоминало отнюдь не битву, а уверенную работу косарей, шагающих по утреннему лугу.

Сзади затрещали кусты, в снежную крепость ворвались стрельцы – но помогать было уже некому, новики успели положить всех врагов до единого. Возле Щербы опустился на колени епископ:

– Ты как, цел, боярин? А-а, крепко досталось! Придется тебе, сын мой, юшман свой латать. Три пластины порваны и плетение в клочья. Тебе проще, тебе сегодня повезло. Через час будешь в седле.

Воевода Котошкин горько усмехнулся – ему ли, опытному воину, не знать, что после таких ранений месяцами в постели валяться приходится? Однако...

Однако боль на диво быстро отпустила, и через час он и вправду покачивался в седле, двигаясь стремя в стремя со священником и недоверчиво трогая свое плечо:

– А я, грешным делом, с жизнью попрощался.

– Повезло тебе, сын мой, – ответил епископ. – Легкое рана не задела. Только мясо пуля порвала и дальше ушла. Посему и крови почти не потерял, и дышать можешь. Ну, и еще кое в чем повезло... Скажи лучше, как ты засаду учуять исхитрился?

– Именно что учуял. Откуда в зимнем лесу дымом может пахнуть? До деревни ближайшей еще полдня пути. Вот и присмотрелся повнимательнее... Тогда и ты скажи, святой отец, как новикам твоим удалось от пуль вовремя увернуться?

– По ним несколько лет из пищалей пареной репой и горохом время от времени палили. Поначалу в синяках все ходили, но вскорости ложиться в нужный миг научились, – ответил епископ. – В наше время без умения такого долго не проживешь. В битве большой от залпа, знамо, не спрячешься. Но в сечах мелких, как видишь, навык выручает.

– И то верно, – согласился боярин. – Надо бы и мне своего сына так потренировать. В жизни пригодится.

– Большой сын уже?

– Восемь лет, как родился.

– Один?

– Сын один да две девицы еще уродились. Но бог даст, и еще сына родим, – перекрестился боярин. – Чай, не старики.

– Это верно, воин ты молодой, – согласился священник. – Вроде как не в летах и роду не знатного, а у князя Скопина в чести, в воеводах больших ходишь. Как тебе удалось вознестись так высоко да быстро?

– Повезло, святой отец, – пожал плечами Щерба Котошкин. – Новиком еще возле Нарвы воеводой полка левой руки был поставлен. Сеча случилась жаркая, бояр знатных выбило, вот князь Хворостинин и вознес, царство ему небесное. Доверил последних из детей боярских на свеев в атаку поднять. Ну, а после того, как выжил я, так ниже, чем воеводой, ставить меня уже невместно. У Оки воеводой дрался, Коломну левой рукой штурмом брал, у Кром казаков оставил, когда рати к Орлу уходили. Куда знатных бояр не послать было, меня завсегда ставили. Ну, а коли жив оставался, да приказы исполнял в точности – так и награждали по заслугам. У Тулы, знамо, уже на правом полку воеводой оказался... Ты чего смеешься, святой отец?

– Забавно рассказываешь, боярин, – мотнул головой епископ. – В том повезло, стало быть, что на смерть под Нарвой последним из уцелевших послали? Что пожертвовали тебя воеводы копытам казацким, дабы рати уходящие спасти? Что в Коломне на стены под пули первому пойти получилось? Честью и храбростью это называется, а не везением. Жертвенность ратная, когда живота ради друзей своих и державы отчей не жалеешь. Коли в чем тебе и повезло, так это в том, что честь свою с измальства показать смог, в пекле чаще иных бояр оказываясь. Честь же – она твоя, природная. И воеводство свое ты по заслугам получил, кровью и отвагою выслужил, а не по роду от предков унаследовал. Везением тут не обойтись.

– Ты про честь рассказываешь, отче, – усмехнулся боярин Щерба, – я же все больше проклятия слышу. За зазнайство, за наглость, с каковой при худородстве своем поперед бояр знатных втиснуться норовлю. Так выходит, что у князей достойных место надлежащее отнимаю самым подлым образом.

– Это верно, сын мой, – со вздохом признал священник. – Отчего-то у нас на Руси так заведено, что больше всех проклятий тем достается, кто наибольшее благо отчине своей принес. Тем, кто ради державы русской и веры православной ни сил, ни живота своего не жалел. Государь Иоанн Васильевич, границы княжества Московского многократно раздвинув, народ свой обогатив, казну золотом наполнив, Русь во всем мире прославив, – даже он над могилой своей ничего, кроме проклятий, не слышал. Боярин Басарга Леонтьев, все Поморье от разорения защитивший и десятки людей спасший, тоже проклятиями осыпан. Царь Борис, шведов и татар навечно усмиривший, без проклятий никогда не упоминается. Князь Михаил Скопин-Шуйский, великий воитель, ниспосланный господом меч для спасения державы русской, – даже он свою долю проклятий уже собирает. И так выходит, что ни на славу, ни на величие, ни на память добрую настоящему слуге России надеяться не приходится. И все, что может заставить его поступать по правде и совести, так это только честь боярская да искра божия в душе. И только сам он себе судья и господин...

– Князя Михаила проклинаят? – вскинулся Щерба Котошкин. – Кто смеет?! Почему?

– Языков черных много, – пожал плечами епископ. – Рассказывают, при малолетстве своем обманом возвышения добивается, славы незаслуженной ищет, с чернью заигрывает, худородных возвышает, на стол царский метится...

– Как в битве можно обманом возвыситься?! – возмущенно сжал кулак боярин. – Сеча лютая, кроме крови и отваги, иных уловок не признает!

– Тебе ли удивляться, боярин? – покосился на него священник. – Завистникам и неудачникам до крови и отваги дела нет, не знают они такого пути к возвышению. Иного и от сопер-

ников не ждут. И потому людям чести ничего, кроме проклятий, сыскать в этом мире не удастся. И, боюсь, князя Скопина его честь и преданность земле русской до добра не доведут.

– Кто может желать зла воеводе Михаилу Васильевичу? – не поверил епископу боярин. – Да за его здоровье каждый смертный на земле русской молится, от царя Василия до последнего смерда!

– Именно это и страшно... – Священник перекрестился и опустил глаза долу, явно молясь³.

Боярин Щерба тоже перекрестился, мысленно пожелав храброму и умелому не по возрасту воеводе долгих лет во здравии. На большее его благочестия, увы, не хватило.

Некоторое время путники ехали молча, пока Котошкин, озвучивая свои думы, не произнес:

– Вестимо, настроение у тебя сегодня плохое, святой отец, коли всем честным слугам ничего, кроме вечного проклятия, не предрекаешь.

– Иные, сын мой, от рождения прокляты, – негромко ответил епископ. – Те, кто ни роду, ни племени своего не ведает, ни отца, ни матери никогда не видел и растет токмо на попечении людей доверенных, не ведая того, князь он али купец, боярский сын али царевич. Тяжкий крест сие – сиротство при живых родителях. Проклятие рожденных во грехе, за чужую слабость судьбой своей платящих. Кому любовь – а кому сиротство безымянное.

– Нечто и не вспоминают отец с матерью о чадах своих? – усомнился боярин. – От собственной крови отрекаются? Не посмотрят на них, не обнимут, не помогут?

– Ну, положим, не безумны уж вовсе-то те, что грех допускают, – покачал головой священник. – И приезжают, и обнимают. Токмо тайны внимания своего не раскрывают никогда. Не признается же княжна родовитая, что у нее сын али дочь внебрачные растут? На позор подобный никто не согласится! Да и боярам женатым подобная слава ни к чему. Посему никогда и не догадается чадо, что мать родная его навестила, расцеловала, слезу на щеку уронила, а не паломница случайная. Так и живут в неизвестности. Учителя у них, может статься, лучшие из лучших: и наукам земным учат, и искусству ратному, и мастерству лекарскому. И оружие у них лучшее, и броня, и кормят хорошо, и одевают, ровно княжат. Ан все едино, главного сим не изменить. Сироты безродные растут, а не знать столбовая⁴.

– А-а, так вот оно что! – наконец-то сообразил боярин Щерба, уже совсем иначе глянув на юношей, столь похоже одетых и снаряженных. – Вот, значит, отчего о них так заботятся...

Среди идущих в охране новиков или смеющихся на санях детей вполне мог оказаться и потомок князей Шуйских, и бояр Годуновых. А то и царевич, вынесенный не той бабой, каковой на столе великокняжеском достойно красоваться. Но при том, все едино – царская кровь. Немудрено, что сам Михаил Скопин внимание сему обозу уделил. И, выходит, не обида воеводе Котошкину сим поручением нанесена, а честь высокая доверена.

– Однако же дрались сироты умело на диво, – похвалил юных воинов боярин Щерба. – Бывалые душегубы супротив них кутятами никчемными казались. Коли и в остальных искусствах они столь же хороши, то в жизни не пропадут, пусть даже и за худородных считаться станут. Такому их «проклятию», святой отец, многие боярские дети токмо позавидовать могут. Те, которых делу ратному старый холоп увечный учит, а грамоте – попик деревенский через субботу, когда трезвый бывает.

– Ну, так ведь не токмо сироты безымянные при обители нашей воспитывались, боярин, – улыбнулся чему-то епископ. – Есть и те, кого отец с матерью нам на воспитание доверили. Али

³ К 24 годам Михаил Скопин-Шуйский успел разгромить армию Болотникова и польско-литовскую армию – после чего и был отравлен. После его смерти выбитые из России поляки снова захватили Москву.

⁴ Столбовые бояре – представители древних родов, внесенных в «Столбцы»: старинные списки о предоставлении поместий на время службы.

те, кто, хоть и сиротствует, однако же отца своего знает. Равно как то, когда и почему родитель голову свою сложил, честью не поступившись.

– Это как? – вскинул голову воевода Котошкин.

– По совести, – ответил священник. – Вот скажи, сын мой, коли тебе выбирать придется между честью и семьей своей, детьми – что ты выберешь? Живот отдать и сиротами их оставить – али отступить, голову побережь, пусть даже и с уроном державным? Постой, не отвечай! Я и без того знаю, что честь для боярина важнее, хотя выбор будет ох каким тяжким. Теперь помысли, боярин, будто поклялся я тебе детей твоих принять и наравне с сиротами прочими воспитать, коли ты вдруг в служении державе русской голову свою сложишь. Не в неге, а в учебе. Не в богатстве, а в храбрости. Не в знатности, а в чести.

– Ты меня пугаешь, отче, – поежился боярин. – В сказках деревенских после таковых обещаний сладких душу обычно в уплату требуют.

– Я лишь хочу, сын мой, чтобы поступал ты в делах своих лишь по чести и совести. Не забрать душу твою стремлюсь, а от сомнений тяжких избавить, – степенно произнес священник. – Поступай, как должно. Но коли господь в пути твоём примет от тебя высшую жертву, то хоть о чадах своих сможешь не беспокоиться. В том, боярин, готов тебе поручиться твердо.

– Ты токмо мне обещание таковое даешь, али всем боярам храбрым? – после некоторой заминки спросил Щерба Котошкин.

– Боярин боярину рознь, сын мой, – слегка пожал плечами священник. – Иного токмо благополучие удела своего беспокоит. Таковому мои обещания ни к чему. В походы он лишь по обязанности и за добычей ратной выходит, больше о благополучии своем, а не общем благе помышляет. Такого служивого безопасность отпрысков храбрее ничуть не сделает. Есть иные, которые к славе великой рвутся и к власти над другими. Эти тоже не о державе, а о себе превыше всего пекутся и ради собственного возвышения отчину свою с легкостью предать готовы. Сие, коли помнишь, уже и князь Курбский, и епископ Пимен, и князь Старицкий сотворили, уговорившись земли Новгородские от Руси оторвать, дабы в них всевластными правителями оказаться. Таковых к братству нашему и близко подпускать нельзя, ибо и в нем они верховодить пожелают, а опосля для целей своих мерзких приспособить. Ты же, боярин Котошкин, худородный. Себя на службе, знаем, не жалеешь, однако же ради власти драться тебе смысла нет. Стало быть, не для себя, а для державы стараешься. Вот тебе на случай беды братство наше благополучие семьи пообещать и готово.

– Слова твои лестные, святой отец, – поправил рукавицу на ладони боярин Щерба. – Однако же любое обещание всегда плату имеет. Скажи уж сразу, к чему тянуть?

– Просьба наша будет для тебя привычной, сын мой. Сражаться, себя не жалея, живота не щадя. Токмо в этот раз не города или дороги обороняя, а место пустое, брошенное. Сундук пустой от сокровища увезенного. Но так яро оборонять, чтобы ворог самый хитрый до конца не почуял, что ушла от него добыча. Чтобы на тебя все силы и время потратил, а не на поиски того, что я по воле Господа нашего Иисуса Христа и просьбе побратимов своих ныне средь чащоб непролазных хороню.

– Сие не на службу, а на заговор тайный более похоже, – покачал головой боярин. – Как я могу быть уверен, что на благо Руси и веры православной сражаюсь, а не во вред своей же земле?

– У нас в братстве принято поступать по чести и по совести, сын мой, – спокойно ответил епископ. – Когда ты увидишь, кто придет за сокровищем, то сам поймешь, нужно ли с ними драться. А уж в храбрости твоей и готовности обнажить клинок никто ничуть не сомневается...

Ветер бросил в лицо боярина горсть снежной крупки. Он вздрогнул от неожиданности и...

Проснулся.

– Даже странно, – пробормотал Женя Леонтьев, открывая глаза. – Уже утро, а меня так и не убили.

– Чего говоришь? – зевнув, поинтересовалась с дивана Катя.

– Вставай, говорю, хватит дрыхнуть. – Аудитор поднялся первым, скатал постель и выдернул клапан надувного матраса. – Забыла, о чем мы договаривались? С тебя – списки и место тайника, с меня – еда и жилье. Если ответа не найдешь, послезавтра съезжаешь.

– А ты?

– А я останусь, – невозмутимо ответил Евгений, натягивая спортивные штаны.

– Чего, даже не поможешь? – сладко потянулась девушка.

– Я свое дело сделал, – убрал свернутую постель в шкаф молодой человек. – Списки спонсоров восстановления монастырей заказал, запрос о попечителях детским домам сделал. Все на столе, дальше уже ты разбирайся, раз такая умная. Тебя никто за язык не тянул. Сама пообещала все ответы найти.

– И все? – перекатилась на спину Катя, запустила пальцы в волосы, зевнула. – Слушай, Женя, а ты точно не гомосек? Рядом с тобой почти полмесяца такая симпатичная девушка чуть ли не в одной постели спит, а ты не то чтобы полапать – даже не подглядываешь, когда переодеваюсь!

– Забыла, как при мне голая купалась? – хмыкнул Женя. – И чего я у тебя не видел? Так что давай, гастарбайтерша, за работу берись. А я пока на тренировку. С утра у нас в клубе скидка семьдесят процентов. Грех не воспользоваться, пока я на больничном.

– Эксплуататор!

– Лимитчица, – легко парировал Леонтьев, закидывая на плечо небольшой рюкзачок. – Давай, вкалывай, раз подрядилась. А то выгоню.

– Да ладно, ладно, встаю, – опять зевнула Катерина. – Чего, сразу так и побежишь? Даже кофе не дождешься?

– Перед тренировкой не стоит. Воды по дороге попью. Все, пока...

Самбо Евгений Леонтьев занимался не по необходимости, а для души и потому с легкостью потратил часа три на тренажерах и в спаррингах утром, пока спортивный клуб был еще практически пустым, потом вместе с тренером провел занятия в двух подростковых группах и еще полностью использовал бесплатный час, отведенный ему в обмен на помощь в работе с начинающими. К двум часам дня он ушел в душ, весьма довольный собой, но голодный, как медведь после спячки. С таким настроением молодой человек и вернулся домой, к своей «наемнице», корпящей над собранными документами.

– Ну, как твои успехи? – поинтересовался он у Кати, не заходя в комнату, чтобы не снимать обуви.

– Если по спискам, то на удивление успешно, – ответила девушка, вскидывая над плечом один из листков, полностью заполненный именами, фамилиями и датами. Видимо, днями рождений. – Среди спонсоров восстановления монастырей есть несколько фамилий, совпадающих с меценатами по сиротству. И по забавному стечению обстоятельств, один из детских домов за Министерством образования не числится. Что скажешь?

– Скажу: я так голоден, что готов слопать слона. Может быть, давай в кафешку на углу сходим? Там и расскажешь.

Девушка спорить не стала, и уже через четверть часа они сидели у окна в полупустом зале, дожидаясь заказа за стаканами сливового сока.

– Ну, и чего ты там нарыла? – поинтересовался Евгений, пользуясь возникшей паузой.

– В общем-то, все оказалось довольно просто, – пожала плечами Катя. – После того как ты «засветил» опричника Басаргу, пошарить по местам, где он отметился, труда не составляло. До него, похоже, никакой «закрытой школы» не существовало, а после него интернат отметился сразу в нескольких местах. В Смутное время его перевезли на восток, а когда Екатерина при-

грела иезуитский орден и тот начал охоту за инакомыслящими, твоему заведению пришлось побегать. Иезуиты отстреливали пригревшие школу монастыри, как перепелок на охоте. Зато по следам уничтоженных монастырей я проследила путь беглецов аж до самой Печенегской обители. Дальше уже ничего нет, только Северный Ледовитый океан. Печенегский монастырь иезуиты тоже прикрыли, но школа уцелела, уйдя на «гражданку». Это, опять же, с твоих слов. Это ты нашел документы, где она числилась в пределах уже закрытой на тот момент обители. Но зато – в бывшем уделе Басарги Леонтьева.

– Я помню, ты уже говорила, – кивнул молодой человек.

– Это был первый пункт, – согласно кивнула девушка. – Второй ты тоже знаешь: в наше время закрытые орденом иезуитов монастыри внезапно стали восстанавливаться и повторно освящаться. Из чего мы сделали вывод, что созданная Басаргой «закрытая школа» на сегодня опять набрала силу и возвращает утраченные святыни.

– Да, – сложил руки на столе Женя. – Я даже запросил тебе списки лиц, которые участвуют в этой работе.

– Теперь последний, третий пункт. – Катя, взяв со стола стакан с соком, приподняла его, словно намеревалась провозгласить тост. – После изгнания иезуитов из России в тысяча восемьсот двадцатом году, из всех разгромленных ими монастырей были восстановлены только два. В восемьсот тридцать восьмом возрождена Перынь. Куда, я так думаю, перебрались из своей глуши и школа, и убрус. Но в центре Новгорода слишкомлюдно, много посторонних глаз. А оба наших героя предпочитают уединение и тайну. Поэтому в восемьсот восемьдесят шестом году была восстановлена другая разоренная иезуитами обитель: Трифонов монастырь на Кольском полуострове. И именно там ты, драгоценный мой импотент, свой интернат и застал.

– Там не было церкви, – поморщился Евгений.

– Ну, для современной школы она, скорее всего, и необязательна. – Пожав плечами, отпила немного сока девушка. – А вот убрус должны были прятать именно в монастыре. Это ведь православная святыня, а не контурная карта. Ей по статусу всенепременно луковка с крестом сверху полагается. Причем географически, заметь, местоположение обители и интерната почти совпадает.

– Может, и так, – задумчиво согласился Евгений. – При советской власти обитель могли просто снести, а про убрус монахи наверняка предпочли не заикаться. Кто знает, что большевики учинили бы со святыней, узнай, какая вещь попала к ним в лапы?

– Именно! – обрадовалась подтверждению своих идей девушка. – Не удивлюсь, если он по сей день лежит где-то в развалинах, хорошенько спрятанный от святотатцев. И еще. Я тут поинтересовалась личностью архимандрита Фотия, восстановившего Перынь. Монах-аскет, постоянно носивший вериги. Благодаря веригам он пользовался большой популярностью у женщин, испытывающих любопытство ко всему необычному. Любимец высшего общества, многократно ссылавшийся за излишне рьяную и самобытную защиту основ православия, но неизменно возвращавшийся ко двору, хороший знакомый царя, ярый противник Библейского общества, главная опора графа Аракчеева. Человек столь сильной харизмы, что за свой образ жизни Фотий не просто не был осужден народом и обществом. Наоборот! Этот архимандрит после смерти был похоронен в одной могиле с графиней Анной Орловой-Чесменской, которая при жизни была ему весьма близким человеком. В общем, Перынь оживила личность столь яркая, энергичная и нестандартная, что если все остальные защитники школы похожи на него хотя бы немного... Я бы не советовала тебе с ними ссориться.

– Спасибо за совет, капитан Очевидность, – скривился Леонтьев, – но они моего мнения как-то не спрашивают. Просто пытаются пристрелить.

– Не все так плохо, приятель, – подмигнула ему девушка. – Ни тебя, ни меня уже почти две недели никто не пытал и не похищал. Может быть, про нас успели забыть?

И тут в карманах у обоих молодых людей одновременно завибрировали телефоны.

– Вот, черт! – невольно поморщился Евгений. – Хотел бы я знать, какого хрена средневековому опричнику вообще понадобился этот проклятый интернат!

* * *

– Ты ли будешь опричник царский Басарга Леонтьев, боярин важский? – Громкий вопрос заставил подьячего вздрогнуть, повернуть голову к хорошо одетому холопу: шапка горностаева, зипун синий, со шнурами шелковыми на швах, сапоги сафьяновые. Хозяин такого слуги серебро явно не монетами считал, а кошельками. Однако, будь он холоп хотя бы и царский, все едино рабом оставался, слугой безвольным, а потому разговаривать со знатным человеком обязан был с почтением, в глаза дерзко не смотреть, шапку скидывать.

– Кто таков?! – сурово спросил его Басарга, положив ладонь на рукоять сабли.

– Швее царская, княгиня Лукерия Салтыкова видеть тебя желает, – скинув шапку, поклонился слуга.

– На улице обожди, сейчас выйду, – отпустил оружие боярин. – Дела государевы во первую голову исполнять надобно.

– Слушаю, боярин. – Холоп поклонился еще ниже и отступил.

Впрочем, дела государевы были недолгими. В Приказной избе подьячий забрал у писарей расходную книгу вологодского кремля, оставив взамен расписку, получил три рубля «прогонных», после чего вышел к посланцу на просторный мощный двор Московского Кремля, бодро подметаемый извилистыми белыми лентами поземки.

– Прошу за мной, боярин, – с готовностью поклонился холоп и первым побежал в сторону Успенского собора по звонким, насквозь замороженным дубовым плашкам. Подьячий его бодрости не разделил, и умчавшемуся вперед слуге пришлось вернуться, пойти медленнее перед степенно шагающим боярином.

Во дворец они вошли со стороны Боровицких ворот, через царицыну мастерскую.

Буйная черкешенка не интересовалась шитьем, но здесь все оставалось так, как было еще при Анастасии: станки с натянутой на них парчой, катушки с разноцветным катурлином, лотки с бисером, с просверленными жемчужинами, тончайшими серебряными и золотыми нитями. Многочисленные светильники с заправленными в них свечами, подушечки с иглами и крючками, шила на резных рукоятках. Мастерская в любой миг была готова принять царственную работницу. Но она сюда больше уже не приходила.

Княгиня Салтыкова оказалась женщиной молодой, статной и яркой. Ее широких бедер не мог спрятать даже просторный синий сарафан с несколькими юбками, а голубая бархатная душегрейка, подбитая песцовым мехом, не скрывала объемистой высокой груди. Большие глаза, черные и густые соболиные брови, румяные щеки, рубиновые губы. Сложенные на груди руки украшали перстни с драгоценными самоцветами.

Впрочем, царского подьячего пригласили явно не на свидание. Иначе зачем бы в мастерской находились еще двое холопов и пять служанок? Все они были заняты уборкой: вытирали пыль, отмывали темный налет над обогревающими воздуховодами, меняли занавески на окнах и пологи у дверей. Царская швее, стоя в центре самой большой палаты, холодно следила за работой свиты. Впрочем, по сторонам она не смотрела. Похоже, самого присутствия княгини было достаточно, чтобы никто не рискнул отлынивать от своих обязанностей даже на самую малость.

– Боярин Басарга, с нижней Ваги? – скорее утвердила, нежели спросила княгиня Салтыкова, увидев подьячего.

– Он самый, княгиня, – кивнул Басарга Леонтьев, остановившись в шаге от дверей.

– Моя подруга, княгиня Бельская, отъезжая в удел, просила найти тебя, когда ты снова появишься при дворе, – поведала царская швея, степенно приблизившись к нему. – Посему я повелела известить меня, когда ты явишься в приказ за своим жалованьем.

– Меня не представляли Бельским, – ответил подьячий.

– Это неважно, боярин, – покачала головой Лукерия Салтыкова. – До нее дошли известия о твоём чадолюбии. Посвятив себя служению государю, ты отказался от брака и, следуя обету, не имея детей своих, создал дом призрения, в котором растишь несчастных сирот и обучаешь их различным премудростям, что будут полезны им в земной жизни. В восхищении от твоего благородного деяния, княгиня пожелала внести свой вклад в воспитание сирот. Прими пятьдесят рублей от ее имени. Она уверена, ты сможешь использовать их наилучшим образом.

– Передай ей мою благодарность, княгиня. – Басарга с поклоном принял вышитый бисером кошель. Теперь он начал догадываться, кем была таинственная паломница, которая, будучи на сносках, приезжала летом вместе с Софонием к Важской обители. Домой паломница вернулась, конечно же, вполне здоровой и невинной. В то время как в сиротском приюте возле усадьбы Басарги появился еще один ребенок.

Знатная женщина, конечно же, никому не могла признаться в появлении незаконнорожденного малыша. Но и забыть ребенка мать тоже не забыла. Пятьдесят рублей могли обеспечить ему сытую и спокойную жизнь на долгие годы. Зная, где он растет, можно будет навещать свое чадо, не привлекая внимания. Что странного в том, что княгиня посетит сиротский приют, которому оказывает покровительство?

– Постой, боярин! – остановила собравшегося уйти подьячего княгиня Салтыкова. – Моя подруга так хвалила твой дом призрения, что мне тоже захотелось сотворить доброе дело. Помочь и твоим стараниям, и двум несчастным, что прибились к Новодевичьему монастырю. Полагаю, возле Важской обители им будет лучше. А чтобы не вводить тебя в лишние расходы, то к пожертвованию княгини Бельской я добавлю свое.

Лукерия Салтыкова достала из своей поясной сумки еще один кошель, на этот раз замшевый, и передала подьячему.

– Двое сирот не разорят моего дома, княгиня, – покачал головой Басарга, принимая, однако, подарок. – Мне кажется, для воспитанников важнее сытости желудка должна быть сытость разума. Я желаю, чтобы чада мои, покинув приют, умели сражаться лучше всех прочих, лучше всех прочих знали земли нашего мира, знали счет и чтение лучше прочих и во всех отношениях тоже могли превзойти любого. Если уж им выпало прийти в этот мир, не имея ни роду, ни племени, пусть хоть воспитанием своим они сравняются с лучшими из лучших.

– Да, боярин, я знаю, что твои мысли по воспитанию сирот зело отличны от мнения послушниц Новодевичьей обители и иных приютов, – сурово поджала губы Салтыкова. – И твои старания мне нравятся больше.

– Благодарю, княгиня, – поклонился Басарга, искренне довольный похвалой.

Однако царская швея не нуждалась в его благодарностях.

– Мой деверь отдал мне фряга, что обучил его сына таинству обращения с астролябией, – сообщила она. – Мой старший отпрыск, увы, ныне воспитывается в чертогах небесных. Младшему же знания сии зело не по возрасту. Посему мудрый фряг станет моим вторым пожертвованием твоему приюту. Холопы доставят его в твою усадьбу вместе с сиротами.

– Благодарю, княгиня, – низко склонил голову подьячий. – Теперь дозволю оставить тебя. У меня много поручений.

Открещиваться от столь неожиданного подарка он, конечно же, не собирался. Для самого Басарги астролябия являлась непостижимой мудростью, чудом, равным таинству сотворения мира⁵. И если кто-то мог научить его детей обращаться с подобным хитрым инструментом –

⁵ Инструмент для наблюдения за небом в виде диска с поворотной линейкой для определения угла возвышения объектов.

боярин, конечно же, был только рад. Однако уже больше полумесяца боярин Леонтьев не был не то что дома – в баню даже ни разу не заглянул, в постели нормальной не поспал. Да еще и натерпелся немало. Ныне ему было не до бесед. Даже со столь знатной княгиней.

– Ступай! – Царская швея отвернулась, осматривая мастерскую, чем вызвала в слугах прилив стараний, но когда Басарга попятился к двери, все же напомнила через плечо: – Так не забудь! Двое сирот с нянькой и ученым фрягом! Пусть встретят и определяют к месту без удивления!

– Не беспокойся, княгиня! – Боярин поклонился и вышел на мороз, в мечтах пребывая уже на своем подворье.

Как это нередко бывало, дом встретил его теплом, ухоженностью, полными погребами и даже вином на столе. Подворье подьячего Леонтьева словно жило своими собственными заботами, нимало не интересуясь мнением хозяина. Что-то прибывало, что-то убывало, кто-то приходил и наводил порядок, кто-то просто заглядывал выспаться – и поутру растворялся среди улиц.

– Интересно, кто тут побывал на этот раз? – вслух подумал боярин, расстегивая пояс и скидывая кафтан. – Побратимы вроде как в поместьях своих должны быть, на Двине. Княжна Мирослава в Александровской слободе, с царицей. Нешто Софоний опять к кому-то из «паломниц» своих заглянул?

Басарга прошел по дому, но никаких подсказок или записок не нашел и громко окликнул холопа:

– Эй, Тришка-Платошка! Где тебя носит? Баню затопи, а то от меня разит, как от фряга заморского. Самому противно.

– Так теплая баня, боярин! Топил кто-то намедни. Там даже вода еще не остыла!

– Чего?! – изумился столь наглой отповеди подьячий. От неожиданности он даже не осерчал, только брови вскинул.

– Сей миг запалю, боярин! – спохватился слуга. – Я это... Сказываю, прям хоть сейчас можно идти, боярин! Коли побыстрее хочется. А там по-быстрому и разогреется!

И он вышмыгнул из дома, пока по хребтине за пререкания не огрели.

Однако слова Тришки-Платошки попали на благодатную почву. Настроения наслаждаться парилкой и пивом, жаром и ледяным сугробом у Басарги не было, хотелось просто смыть с себя дорожную грязь. И потому, после короткого колебания, боярин отправился вслед за холопом, решив обойтись теплой баней вместо жаркой.

Благодаря этому уже через полчаса, пусть не распаренный, но свежий, он сидел за столом, в задумчивости пил темно-красное вино вкуса красной рябины, но привезенное откуда-то из-за моря, то ли с английских берегов, то ли вовсе из далекой Гышпании, на которой, как сказывала Матрена-книжница, заканчивается земная суша. Расторопный холоп, опасливо поглядывая на хозяина, принес из погреба моченых яблок и соленых грибов, квашеной капусты, тушку копченой белорыбицы. Но подьячий уже не помнил его проступка, и наказание лентяю больше не грозило.

Внезапно без стука распахнулась дверь, и в горницу ворвалась княжна Мирослава: раскрасневшаяся от мороза, тяжело дышащая, в распахнутом кафтане. Одета она была в непривычно облегающее платье из тонкого мягкого сукна: от плеч и до самых бедер темно-синяя ткань не скрывала, а наоборот – выделяла все изгибы женского тела, и лишь ниже юбка слегка расходилась в стороны, пряча в складках ноги; на голове сидел жесткий остроконечный клобук, по ребрам которого вилося золотое шитье, плечи переливались самоцветами, выпирающая

грудь подчеркивалась поперечными серебряными линиями, которые ниже устремлялись вниз, сходясь в одну точку под самым животом.

От такого зрелища у Басарги отвисла челюсть, и он застыл, не донеся кубка с вином до рта.

– Ты признался царю в измене?! – кинулась к Леонтьеву кравчая. – Сам к нему головой явился?! Чего молчишь, отвечай!!!

– Какая ты... – сглотнул подьячий. – Нешто так и ходишь?

Княжна опустила глаза на платье, отступила, скинула кафтан на лавку, крутанулась, высоко вскинув подбородок:

– Нравится? Царица рассказывает, у них в Кабарде все так одеваются. Ныне, на Марию Темрюковну гляючи, многие боярыни подобно госпоже наряжаться стали. Царица, правда, платья свои черкесские редко надевает. Сказывает, чтобы Иоанн Васильевич не привык. Облачается, токмо когда подразнить его желает... – Мирослава спохватилась и опять кинулась к подьячему, сев рядом. Спросила, но уже без прежней горячности: – Правду во дворце скажут, что ты государю в измене прилюдно признался?

– Признался, – кивнул боярин и наконец-то осушил давно поднятый серебряный бокал.

– Но зачем?! Почему?!

– Филипп покался, прощения у меня попросил, – пожал плечами Басарга Леонтьев. – Посему зла на него у меня более нет. Коли митрополит во грехах своих покался, так и мне, вестимо, не помешает. Как полагаешь?

– Ты безумец, Басарга!!! – крикнула княжна. – Твоя дурная честность когда-нибудь сведет меня с ума! Разве не упреждала тебя, чтобы ничего ты царю не обещал и не сказывал, со мною пред тем не посоветовавшись?! И вообще ни с кем из людей знатных! – Она отобрала у боярина кубок, налила до краев вином, решительно опрокинула, осушив в несколько глотков, выдохнула: – Но зачем?! Что на тебя нашло?

– Митрополит Филипп сказал мне, что мы назначены друг другу Небесами, самим Богом, соединены волею Господа нашего Иисуса Христа и он раскаивается, что не увидел этого сразу.

Мирослава Шуйская вздрогнула, глаза ее распахнулись, рот изумленно приоткрылся. Басарга наклонился вперед и крепко, до боли, поцеловал ее в эти призывные коралловые губы. Женщина ответила, обняла, прильнув всем телом, но вскоре вдруг стала отталкивать, отодвинулась, упираясь ладонями в грудь:

– Подожди, а царь? Иоанн чего ответил?

– Сказал, что один раскаявшийся грешник дороже Господу, нежели тысяча праведников.

– Нешто вовсе никак не наказал?! – вскинула брови Мирослава.

– Сказал, что на первый раз он даже предателей, пойманных на измене, прощает. Я же не по сыску найден, а сам пришел. Посему и веры мне больше, чем прочим. Однако же расспросил о заговоре нашем в подробностях. Про синод и сыск, им учиненный, про отца и сына Басмановых, про архиепископа новгородского Пимена, про то, почему епископ Пафнутий отказался приговор по сыску подписывать... Про все.

– Что Иоанн?

– Про Басмановых особо интересовался. Отчего синод на митрополита ополчился, ему понятно: Филипп из худородных. Епископ Пимен Филиппа ненавидел, потому что тот на место сел, Пименом себе облюбванное. А вот что Басмановым до всего этого какая забота? Они же люди мирские. Бояре, опричники, царедворцы. Удел под Рязанью имеют, от Новгорода на другом конце света. Непонятно...

– Про меня не спрашивал?

– Нет.

– Странно, – потянулась к белорыбице женщина. – Он ведь знает, что за меня Пимен ручался. А коли епископ мой поручитель, то и я у него завсегда в союзниках останусь.

– Так ведь вовсе никого государь наказывать не захотел, – пожал плечами подьячий. – Пимен еще два месяца тому в Новгород отослан. На Басмановых Иоанн рукой махнул. Супротив него Андрей и Федор ведь ничего не помышляли, в чисто церковные дразги встряли.

– Верно махнул? – недоверчиво склонила голову Мирослава Шуйская. – Может статься, он над карой всем вам еще лишь размышляет?

– Иоанн мне уже поручение новое дал. – Басарга не удержался и, вытянув руку, провел пальцами по выбившемуся княжне на щеку русому локону. – В Вологду отсылает... Столицу новую там порешил основать... И верфи морские... – Он скользнул рукой дальше, женщине на затылок, привлек ее ближе, снова крепко поцеловал.

– Стало быть, божья воля нас соединила? – шепнула княжна между поцелуями. – Тогда кто мы такие, чтобы спорить с Небесами?

– Да. Да... Да где же они?! – Ладони боярина, пробежав по телу госты, так и не нащупали ни крючков, ни пуговиц.

– А вот и не найдешь! – рассмеялась женщина.

– Все равно найду! – Басарга подхватил любимую на руки и закружил. Опустил на спину на скамью, стал целовать шею, нащупал щелочку на вороте, и уже вниз от него обнаружил спрятанные за отворот застежки, быстро с ними справился и... И обнаружил, что княжна осталась в красной исподней рубахе и небольших суконных шароварчиках.

– Нас, горянок, так просто не возьмешь! – Женщина расхохоталась, вывернувшись, кинулась бежать. Однако уже через несколько мгновений оказалась настигнута и распластана на столе. Мирослава вздохнула и смиренно опустила назад голову: – Поймал, любый, поймал. Твоя. Навеки твоя...

Вологда

Берег речушки Вологды, чуть выше по течению от города, больше всего ныне напоминал муравейник. Тысячи и тысячи рабочих свозили сюда на волокушах толстые сосновые бревна, корили, а потом какие-то кололи на тес, какие-то вбивали вдоль берега как сваи, какие-то складывали в срубы, строя одновременно и дома, и амбары, и стены, и хлева. Ров вокруг прямоугольной крепости был выкопан еще летом, и теперь замерзшая вода стала удобной дорогой, позволяющей доставлять стройматериалы под самый вал, который пока еще представлял собой всего лишь линию свай и несколько кит – срубов, наполовину заполненных камнями.

– Нельзя ныне доверху досыпать, боярин, – торопливо объяснял низкорослый купчишка в выцветшем кафтане, труся рядом с обходящим работы Басаргой. – Глиной надобно заполнять да трамбовать крепко. А опосля снова камни, и снова глина. Так, слоями, до самого верха. Тогда стену сию ни ядром каленым, ни тараном дубовым будет не пробить.

– Да не блажи, знаю! – осадил Леонтьев подрядчика. – Не бойся, коли не покрал денег казенных, так ничего тебе не будет. А коли покрал, мзду можешь не совать. Все едино на дыбу отправлю!

– Не крал, боярин. Вот те крест, не крал!

Купчишка подьячему не нравился. Одет был как смерд нищий, пах плохо, кланялся поминутно, нисколько честь свою не блюдя. Хотя Басарга отлично знал, сколько золота отсыпала ему казна на строительство. За такие деньги в шубах и яхонтах подрядчик мог вышагивать, коврами свою каморку выстлать. Однако вологодский хитрец приbedнялся...

Хотя, с другой стороны, – никаких приписок подьячий за ним не нашел. Какие работы в расходных книгах указаны – все вот они, здесь, исполнены. Коли чего и прибрал в карман коротышка – то совсем немного, по совести.

– Ладно, все, верю, – резко остановился боярин Леонтьев и сунул ему тяжелый талмуд с записями. – Но имей в виду, все едино заходить сюда стану время от времени да за стараниями следить!

– Благодарствую, боярин, благодарствую, – раболепно принялся кланяться подрядчик, не забывая креститься.

– Скажи лучше, верфи где корабельные? – строго спросил купца Басарга. – В росписи они, видел, есть. А на реке нигде не вижу.

– Так на Вексе они, в старом городе, – махнул рукой вниз по течению купец. – У самой Сухоны срублены. Тут как бы не с руки корабли строить. Не пройдут по малой воде. Речушка-то, сам видишь, боярин.

– Вижу. Ступай... – прогнал подобострастного подрядчика Басарга. Ну, не нравились ему такие люди! Липкое какое-то ощущение вызывали, нехорошее.

Уже в одиночку подьячий еще раз прошел по крепости, осматривая ход строительства.

Иван Васильевич за строительство новой столицы взялся всерьез, изначально заложив крепость размерами вчетверо больше старого московского Кремля. На ней уже поднялся во весь рост белокаменный храм Святой Софии и архиерейский двор; стояли под охраной стрельцов арсеналы с сотнями пудов пороха и ядрами для пушек, ожидающих установки на стены и башни, имелись просторные хоромы для размещения приказов, библиотеки, казны и печатного двора. Здесь непрерывно трудилось десять тысяч семьсот пятьдесят шесть работников, нанятых ста двадцатью тремя подрядчиками, за которыми присматривал свой особый подьячий от Казенного приказа, розмысел⁶ Петров.

⁶ Розмысел – старинный синоним слову «инженер», а вовсе не личное имя боярина Петрова.

Хотелось бы верить, что, зачиная все это строительство четыре года назад, царь прислушался именно к его, Басарги, мнению. Но, скорее всего, для переноса столицы к Славянскому волоку куда большее значение имело расположение Вологды в центре русских земель, на перекрестье главных путей обитаемого мира. Пока предки Иоанна собирали уделы под свою руку и гордо носили звание князей московских – Москва была их отчиной и опорой, третьим Римом христианства. Ныне же Иоанн был правителем уже не московским – он был царем Всея Руси. И для властителя всех русских земель править именно из Москвы было уже ни к чему. Богатая и многолюдная Вологда, замыкающая на себе торные пути из четырех морей всех концов света, подходила для сего куда больше.

– Быть здесь новому Риму, – тихо промолвил боярин Леонтьев, глядя на махину Святой Софии, которой для завершения не хватало только световых барабанов и куполов. – Великой державе – великая столица!

К верфям он поскакал только на следующий день. Как-никак, пятнадцать верст в один конец, второпях не наездишься. На рысях, и то два часа пути. Быстрее нельзя – лошадей загонишь. Два часа туда, два обратно – а зимние дни короткие...

С расходными книгами подьячий разобрался быстро: кормовые расходы, дровяные, прогонные. Лес строительный, тес крышевой, фундаменты из мореного дуба. Вроде как дорогие – но чурбаки не покупные, а из отходов, что после строительства архиерейского двора остались. Так что, выходит, не растратил казенное серебро подрядчик, а наоборот – сберег.

– Иди сюда, купец, – подозвал подрядчика Кудеяра Амосова боярин и ткнул пальцем в книгу: – Глянь, какую цену ты на тес вписал! Полтора рубля доска! Где это видано, за лес такие деньги просить? За полтора рубля целую делянку в лесу здешнем взять можно! Вон у тебя, на предыдущей странице, тот же тес, но в семь копеек учтен.

– Тот, да не тот, боярин, – не моргнув глазом, ответил бородатый пузан в цветастой рубахе, выпирающей из расстегнутого кафтана. – По семь копеек тес на крышу идет. Осина простая, дегтем промазанная. Здесь же тес корабельный, из лиственницы отборной колотый, да струганный, да без сучков. С сучками, знамо дело, на корпус дерево негодно, токмо на пояс отбойный али на лыжи идет. Посему и дорого.

– Показывай! – захлопнув книгу, поднялся со скамьи Басарга.

– В любой миг, боярин! – Кудеяр Амосов с готовностью распахнул дверь из небольшой избышки с очагом и дымовой трубой на крыше вместо печи, первым вышел на мороз.

Корабельные стапели тянулись далеко влево по низкому пологому берегу – справа в Сухону впадала Вологда. Будущие корабли сейчас больше всего походили на полусгнивших драконов с распоротыми животами: опрокинутые на спину, они недвижимо распластались на земле, белые ребра торчали высоко вверх, в брюхе мелкими жуками копошились людишки. Со всех сторон слышался стук топоров, шелест рубанков, надрывный скрип буров. Первый, второй, третий... Всего остовов должно было быть двадцать, и самый дальний уже скрывался за излучиной.

С умным видом подьячий свернул к третьему кораблю, поднялся на жердяной настил, посмотрел на работающих корабельщиков, которые бригадами по пятеро как раз нашивали борта: один крутил дырки, двое прижимали доски к «ребрам», четвертый протягивал через отверстия тонкий и белый сосновый корень, пятый его удерживал, чтобы не выскользнул, а затем натягивал железным зажимом, похожим на уточку для прядения.

– На жилу крепите? – удивился Басарга.

– А как иначе, боярин? – тоже удивился Амосов. – Борт, он ведь не намертво стоит. Его тут волна ударит, там льдиной прижмет. Коч-то, он ведь то ниже в воду осядет, то выше поднимется. В тепле чуток длиннее становится, на холоде короче. Там ветер на него дунет, тут солнце согреет. Посему гуляет всегда обшивка-то. Хоть немножечко, да гуляет. Корень такое

движение скрепит да держит. А шипы заморские враз отлетают, ломаются. Хорошо да дешево, боярин, строить не получается. Тут или одно, или другое.

– Не поплывут верфи твои в половодье, купец?

– Знамо, поплывут, – согласился Кудеяр Амосов. – Да токмо дошьем до весны корпуса-то. Так что пусть плывут. Тут излучина, заторов не бывает. Лед к тому берегу прибывает, на этой стороне ничего не затрет. Токмо мусор большой водой смоем. Ну, так нам от того токмо проще, вывозить не придется.

– Точно успеешь? – прищурился на него подьячий.

– Борта нашить недолго, боярин. Долго будет печи класть да трюма раскреплять. Но то ведь все едино на плаву по месту делается. А тес – он наверху, под навесом. До него половодье не достанет. Пошли, мне скрывать нечего!

Навесы были низкими и широкими – чтобы ни дождь, ни снег не задувало. На высоту в полтора человеческих роста лежали слои белого теса, проложенные тонкими рейками.

– Этот прошлой зимой заложили, – постучал кулаком по замороженной древесине корабельщик. – В следующем году в дело пустим. Ныне же соседний навес разбираем. Сперва рубанком строгаем, опосля вареным маслом промазываем, несколько дней на пропитку даем, а уж после того вниз, в работу. Каждая доска отобранная да проверенная, в каждой труд вложен. Как же им по цене осины идти? Такой тес дорогого стоит. Зато и кочи из него два-три века ходить будут, и сноса им не дождешься.

– Хорошо, – согласился Басарга, проведя ладонью по доске. – Коли правду рассказываешь, своей цены они стоят. Но коли мухлюешь, Кудеяр... Ладно, работай. Я через месяц еще загляну. Посмотрю, верны ли слова твои. И смотри... Коли хитришь, лучше прямо сейчас покайся!

– Вот те крест, боярин, – размашисто перекрестился корабельщик. – За такие деньги лучших кораблей государю не найти!

– Смотри, купец! Слово не воробей. Вылетело, не поймаешь, – предупредил его Басарга, оправил пояс и пошел к оставленным под присмотром холопа лошадям.

Поведение подрядчика Амосова ему нравилось. Решителен, уверен. Отвечает быстро, не заискивает. Мзды не обещает, выпить-закусить не зовет. Похоже, уверен, что греха за ним не имеется. Вот только люди разные бывают. Иные и честны, да трусоваты, другие наглы до беспамятства, красть прямо на глазах способны. Посему с равным тщанием проверять надобно всех!

Увы, в корабельном деле Басарга ничего не смыслил. С податями, тяглом, доходами и расходами его еще в Белозерской обители ключник тамошний натаскал. Со строительством он тоже разбирался, частью в обители уроки получив, частью сам в уделе намучившись. Но вот с шитьем кораблей подьячий пока еще не сталкивался. И поди разберись, дурит его подрядчик или правду рассказывает? Надобен тес лиственный на борта али сосной обойтись можно? Из чего набор корпусной делается, в какую цену дерево? Прочий набор трюмный да палубный из чего делать нужно? И вправду ли корабельный лес столь дорог и такую подготовку для работы требует али погибает Амосов, лишнее серебро из казны вытягивая?

– Отчего грустишь, боярин? – подведя коня, придержал стремя Тришка-Платошка. – Нечто наворовал купец много?

– Я не грущу, я радуюсь, – взметнулся в седло Басарга Леонтьев. – В поместье завтра скачем. Как на постоянный двор вернемся, вещи собери. На рассвете сразу в путь!

* * *

Дорога в свой удел была для боярина Леонтьева привычной и нахоженной: три дня вниз по Сухоне, зимником через лес, потом еще четыре перехода вниз по Ваге. Путь обычный –

но в этот раз оказавшийся неожиданно коротким. Что из Москвы, что из Александровской стороны до Леди быстрее трех недель добираться не получалось, как ни спеши. Ныне же до Важского уезда боярин промчался всего за неделю, да день уже от самой Ваги домой. Сиречь – после переноса столицы в Вологду служба обещала стать много легче. Обернуться до дома и обратно за пару недель куда как проще, нежели чем за полтора месяца.

Поместье встретило подьячего колокольным перезвоном. Однако это был вовсе не праздник, посвященный возвращению хозяина. Просто Важская обитель, покровителем которой боярин Леонтьев стал по царскому поручению, созывала прихожан к вечерне.

За минувшие полтора десятка лет монастырь разросся, похорошел и окреп. Ныне его окружала уже не жердяная изгородь, а трехсаженная стена с башнями на углах. В их бойницах темнели жерла пушек. Ворота венчались церковью, украшенной высокой голубой луковкой. За ней выросла звонница с двумя десятками колоколов разного размера, а дальше стоял новенький, полностью перебранный храм Иоанна Богослова.

– Езжай в поместье, – натянув поводья, приказал холопу Басарга. – Предупреди, чтобы баню топили и опочивальню готовили. Вскоро догоню.

Он свернул вправо, спешил к воротам, отпустил подпругу, намотал поводья на коновязь, скинул шапку, перекрестившись на надвратную икону, вошел на двор. Обогнул церковь, вошел в двери, остановился, не желая мешать молебну. Однако же его все равно заметили, по храму побежал шепоток. Прихожане – смерды и крестьянки, паломники, заехавшие поклониться святому Варфоломею жители близкого города, – все стали оглядываться и расступаться. Сам собой образовался проход почти до самого алтаря, и подьячему волей-неволей пришлось пройти вперед, остановившись чуть позади настоятеля.

– Жертвователь... Подвижник... Опекун... Благотворитель... – побежали за его спиной восхищенные шепотки. – Себя не жалеет... Все обители да сиротам... А сам так неприкаянным и живет.

От такого внимания Басарге Леонтьеву стало не по себе. Ведь он знал, что никогда не был никаким бескорыстным подвижником и жертвователем. Что монастырь создал из ничего лишь по царскому велению, дабы надежное прибежище тайной святыне обеспечить. Что «неприкайанным» кажется лишь потому, что невенчанным с любовницами тайно сожительствует и что из полусотни «сирот» ровно десять – его собственные дети, каковых признать он не может из-за того, что во грехе зачаты. Но разве вслух о таком скажешь? И потому он молча терпел восхищенный шепоток, замечая, как тайком крестят его бабы и склоняют головы мужики.

Все, на что решился Басарга, так это подойти после богослужения к настоятелю и смиренно склонить голову:

– Благослови меня, отче. Ибо я грешен.

– В чем грехи твои, сын мой?

– Много их, отче, – вздохнул опричник. – Все не перечислить. Но ведь Господу каждый ведом?

Игумена слова подьячего не удивили. Басарга в своих странных исповедях никогда не каялся в содеянном. Однако боярину, что с таким старанием опекал обитель, отказать в прощении грехов священник не мог:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа, – перекрестил Басаргу настоятель. – Отпускаю грехи твои вольные и невольные.

Подьячий склонился к кресту в его руке.

– Кается благодетель наш, во смирении склоняется... – пробежал по храму восхищенный шепоток. – Уж ему-то, подвижнику, с чего?..

Басарга Леонтьев отступил от игумена, еще раз низко склонился перед иконостасом, несколько раз осенив себя знамением, шепотом прося у Господа прощения за дерзость свою

и грехи. После чего резко развернулся и стремительным шагом вышел из церкви, не обращая внимания на общие поклоны прихожан.

Отдохнувший у перевязи скакун легко взял с места в галоп, помчался по утопанной тропе, крепко впечатывая в наст шипастые подковы, нырнул под густо переплетенные лесные кроны. Свой удел Басарга знал хорошо, а потому торопил коня, несмотря на темноту. Не прошло и четверти часа, как деревья расступились, выпустив его на заснеженное поле. Боярин промчался меж сугробов, перемахнул реку, взметнулся на обнесенный частоколом холм и спешил во дворе, бросив поводья какому-то пареньку.

Вся дворня собралась здесь, толпясь в ожидании хозяина. Староста Тумрум, со времен их первой встречи успевший изрядно раздобреть, поседеть и лишиться бороды: она отчего-то стала вылезать и поредела так, что стала походить, скорее, на легкое облачко, нежели на мужскую гордость. Ключница – его жена Пелагея. Конюх Федька Тумрум, стряпуха Ляля Тумрум, скотник Степка Тумрум... Да, семья старосты неплохо устроилась при боярской усадьбе.

Впрочем, дворня состояла не только из Тумрумов. Обширным хозяйством занимались еще полдесятка девок и тридцать холопов... Взятых в закуп, разумеется, не для работы, а для ратной службы при боярине. Но так уж сложилось, что на службе царю хватало услуг одного подъячего – и потому нанявшихся воевать молодых людей староста приспособил к делам житейским. Басарга очень надеялся, что он не перебарщивал и у холопов имелось хотя бы два-три часа в день для тренировок в рукопашном бое.

Кроме того, среди толпы виднелось еще несколько незнакомых лиц и одно очень знакомое: в задних рядах стояла, потупив взор, Матрена, в пушистом пуховом платке и кафтане с лисьим воротником.

– Здрав будь, господин наш, Басарга Степанович, – вышла вперед пышная краснощекая Ляля Тумрум, держа в руках большущий каравай, увенчанный сверху солонкой, и низко поклонилась: – С прибытием!

– Откушай хлеб-соль с дороги, батюшка наш, испей вина заморского, – двумя руками протянула ему ковшик Пелагея.

– Благодарствую, – выпил Басарга и вправду с удовольствием.

– Баня уже топится, боярин, – торопливо отчитался Тумрум. – Однако же пять дней без дела стояла, насквозь промерзла. Ныне уже поздно. Боюсь, до полуночи согреться не успеет.

– И что? – вернул ключнице ковш подъячий.

– Так нельзя после полуночи мыться! Банщик с нежитью запарит.

– Разве монахи не говорили вам, что нежити не существует? – хмыкнул Басарга.

– Дык, нам они сказывали, – пожал плечами Тумрум. – Пусть банщикам попробуют рассказать!

– Рад, что так меня встречаете, люди, – кивнул дворне боярин Леонтьев. – Сегодня к ужину староста меда хмельного даст, дабы радость подольше продлилась. Надеюсь, застолья еще не было?

– Не было, не было! – загудела дворня.

– Значит, сегодня он будет праздничным! Можете отдыхать, – разрешил боярин, идя меж кланяющихся людей к крыльцу, кивнул старосте, зовя за собой: – Тумрум!

– Твоя опочивальня готова, покои протоплены, вино, чернила и бумага на месте, лично проверил... – семена сзади, снова отчитался Тумрум.

– Что это было? – поинтересовался, поднимаясь по ступеням Басарга. – Раньше ты меня хлебом-солью и толпою не встречал.

– Дык, боярин, ты ныне первый раз о приезде своем упредил! Мы же готовы хоть...

– Ни к чему, – перебил его подъячий.

– Прости, боярин, однако же баня согреться не успеет, – еще раз попытался угадать желание хозяина староста. – Токмо поздней ночью. Не гневайся, но попариться лучше будет на рассвете.

– Пусть будет на рассвете, – отмахнулся Басарга. – Вели собрать мне стол в покоях и расскажи, как ныне дела в приюте. Какие у детей успехи, как там учителя? Как себя новый показал, какового я по весне прислал?

– Смилуйся, боярин! – взмолился староста. – Я хозяйством занимаюсь! Тягло считаю, подати собираю, тони проверяю. По твоему повелению еду на приют выделяю, серебро из подачей на расходы... Но каково они там управляют, судить не по моему разуму. Да, кстати! – спохватился он. – Книжница монастырская сегодня как раз задержалась. Та, что чтению и счету учит. Ее поспросить надобно, она ведает.

– Коли может, зови, – разрешил Басарга. – Ступай, я выйду к столу.

С тех времен, когда в хозяйских покоях пряталась от посторонних глаз беглая княжна, в доме сохранилась обстановка, непривычная для обычных усадеб: отдельная вместительная трапезная и несколько спален, помимо господской. Поэтому, пройдя мимо склонившейся в поклоне женщины и усевшись за стол, боярин распорядился:

– Темень на улице, Тумрум. Книжнице теперь уже поздно домой возвращаться. Вели одну из спален для нее застелить.

– Не беспокойся, боярин, – не распрямляясь, ответила женщина. – Я в людской где-нибудь прилягу.

– Нет! – решительно мотнул головой Басарга. – Ты письмо и счет ведаешь, воинов будущих учишь да за детей отвечаешь. Почитай, розмысел по службе. В людской общей тебе спать неуместно. Тумрум, пусть в крайней опочивальне ляжет.

– Сейчас распоряжусь. – Староста понизил голос: – Может, девке, как стол накрывать закончит, задержаться велеть? Дабы не так холодно почивать...

– Ты, никак, обезумел, Тумрум? – вскинул брови подьячий. – Нешто я басурманин какой, девок позорить?!

– Прости, боярин, – склонил голову Тумрум, – но твое добровольное воздержание от мирских радостей...

– Ступай, – холодно ответил ему Басарга.

Староста замолчал, поклонился еще ниже и выскользнул из трапезной. Вскоре следом вышла и дворовая девка, принеся снесь. Боярин налил вина, встал и вышел из-за стола:

– Тут только один кубок. Не побрезгуешь?

– А как же ты? – Женщина, приняв бокал, сделала несколько глотков. – Сладкое. Сам вкусить не желаешь?

– Я знаю способ лучше. – Боярин сдвинул платок с ее волос и крепко поцеловал в губы...

Проснулся Басарга один. Он даже не заметил, когда Матрена выскользнула из его постели. На губах еще ощущался терпкий вкус ее поцелуев, на подушке сохранился аромат ее волос, руки помнили тепло ее мягкого тела. Но сама книжница исчезла. Она умела исчезать, мало беспокоясь его мнением и намерениями. Когда-то книжница сказала, что знает: они никогда не будут вместе. Она – купеческая дочка, он – царский боярин. Она знает и смирилась...

Хотя порою подьячему Леонтьеву казалось, что им просто пользовались. Игрались, как дорогой игрушкой: бережно, но с большим удовольствием. Матрена любила его – и могла наслаждаться близостью. Она желала от него детей – и она их растила. Она хотела быть рядом – и была рядом всегда, покуда Басарга находился в усадьбе. И, похоже, книжница стремилась сохранить их тайну даже больше, нежели он сам, дабы не разрушить хрупкого равновесия.

Перекусив и выйдя на крыльцо, боярин Леонтьев буквально остолбенел от неожиданного зрелища. В двух сотнях саженей от усадьбы, между сиротским приютом и лесом, между макушками двух сосен были натянуты веревки, к земле от стволов шли ванты, в двух местах

на деревьях крепились рей. И по всей этой веревочной паутине бодро и весело шныряли мальчишки, похоже, не просто не боясь, но еще и гоняясь наперегонки.

– Вот, черт! – только и выдохнул Басарга. – Это что еще за ткацкий станок?

– Дык, учитель, о коем ты намерен спрашивать, повелел соорудить, – с охотой сообщил староста. – На твой приказ сослался иноземец. Нешто ты сего делать не велел?

– Сейчас узнаю... – сбежал с крыльца подьячий и отправился к школе.

«Дом призрения» за десять лет тоже успел окрепнуть и разрастись. Часовня в нем стала церковью, дом с комнатой для занятий превратился в настоящие хоромы, в которых этих комнат было уже больше десятка. Перед частоколом вытянулся тир длиной в три сотни шагов, с мишенями из соломы с одной стороны и барьером с тесовым навесом с другой. Здесь имела площадку для занятий с оружием, где можно биться против чучел или сражаться отряд против отряда, и круг для выездки лошадей. Теперь вот – еще и сухопутный корабль вырос с живыми сосновыми мачтами.

– Не дрейфь, Егорка! – закинув руки за спину и задрал голову, мужчина громко подбадривал застывшего на верху лестницы мальчонку: – Веревка крепкая! Две руки у тебя да две ноги. Чем-нибудь да зацепишься! Давай, вперед пошел!

Зипун красный, борода на две косички заплетена, на голове – лисий треух, на руках – заячьи рукавицы. Мужик как мужик. Правда, говорил воспитатель с акцентом.

– Не жмурься, я все вижу! Вниз, вниз, Егорка, посмотри! Страшно? Ну, а коли страшно, так пошел вперед! На то ты и мужик, чтобы через ужас свой со смехом переступить! А ну, пошел, не то к девкам в светелку переведу! Баба ты али мужик?! Ты воевать хочешь али руководничать? Плакать разрешаю, а вперед один черт иди!

Мальчик посмотрел на мужика, перехватился двумя руками за верхнюю веревку, переставил ноги на нижнюю, стал медленно перебираться с дерева на дерево.

– Вниз, вниз смотреть не забывай! – опять потребовал воспитатель. – Ты со страхом бороться должен, со страхом! Без страха и маргышка по веткам скакать умеет. Мужик же через страх переступить должен!

– Карст Роде? – теперь уже уверенно окликнул воспитателя Басарга. – Чего над детьми издеваешься?

– Ничего, ничего, – хмыкнул датчанин и вскинул руку, прикрывая глаза от солнца. – Сегодня поплачет, через неделю забегает. А лет через десять свечку за меня поставит, что на вантах и крышах без страха рубиться научил! Коли один раз умение жизнь спасет, уже уроки сии того стоять будут.

– Навигации ты их тоже на деревьях учишь али спуститься разрешаешь?

– Рано им еще навигацию учить, – наконец соизволил повернуться пират, удивленно вскрикнул и поклонился, скинув треух и помахав им, словно шляпой: – Мой господин?

– Так что с навигацией? – требовательно переспросил боярин Леонтьев.

– Старших сей премудрости учу, каковым больше десяти исполнилось. – Роде нахлобучил шапку обратно. – Они хоть понимают, зачем наука такая нужна, и прилежание имеют. Этим же пока токмо игры интересны да баловство. Пусть сперва счет и буквы выучат да к прилежанию привыкнут. Покамест хватит с них вантов да стрельбы из лука. Это то самое мастерство, что не в голову, а в руки закладывается. Дабы потом сами что нужно делали. И, знамо, на мечях деревянных тоже помаленьку дерутся.

– А старшие, как, прилежны?

– Так старших полдня то в седле гоняют, то с мечами и бердышами драться, то пищали тяжелые таскать. Да еще и я со своими веревками, – осклабил датчанин. – Им за стол сесть да перышками порисовать за счастье кажется! На Матрену и игумена с его псалтырем молиться готовы. Ну, и моя навигация тоже в радость, пока не ошибаются.

– А коли ошибаются?

– Я за каждую ошибку по два витка «через сосну» требую, – жизнерадостно ухмыльнулся Карст Роде. – За то время, пока лучина горит. Коли не успеет провинившийся, то второй раз бежать отсылаю.

– Сурово.

– Не... Сурово – это когда я с провинившимся на поле иду и на палках в полную силу дерусь. Они после того все в синяках в спальни возвращаются.

– И ты этим хвастаешься? – повысил голос Басарга.

– С чего бы и не похвастаться? – ничуть не смутился датчанин. – Монахи, вон, за плохую учебу пороть принаровились. Там не синяки, там и шрамы порою остаются. А после моего наказания у них прилежание если не к морскому делу, так хоть к рукопашному растет. Тимофей и Илья, вот, ныне уже так дерутся, что непонятно, кто из нас кого лупит! Впору супротив каждого двоих-троих бойцов выставлять!

Подьячий довольно ухмыльнулся: Тимофей с Ильей были старшими Матрениными мальчишками. Ее и его...

– Как рука?

– Бог милостив, – повел плечом датчанин, – заросло, как на собаке. Воздух русский вельми здоровью способствует. Оттого вы завсегда такие плечистые и румяные вырастаете. Воздух да баня!

– Борода у тебя тоже из-за воздуха выросла? – указал пальцем на острый подбородок моряка боярин.

– Да игумен замучил, который сирот закону Божьему учит, – отмахнулся датчанин. – Нельзя да нельзя образ свой портить, господом сотворенный. Как ни увидит, сразу гнусить начинает: без бороды в рай не пустят, босое лицо – бабье, голые щеки суть грех содомский... Ну, плюнул я да бриться и перестал. Мне же проще!

– А косички, они не грех? – двумя руками пощипал себя за бороду Басарга, намекая на две пятивершковые косички, да еще и со вплетенными в них синим и зеленым шнурами.

– Плюется, но молчит, – рассмеялся довольный своей выходкой Роде. – Разве плохо смотрятся, хозяин? Коли не нравятся, так воля твоя: состригу.

– Нравятся, – махнул рукой Басарга. – Носи.

– Ага... – Датчанин опять вскинул голову вверх и приободрил паренька, качающегося на веревках примерно на полпути: – Давай, Егорка! Чуток осталось! Одной ногой ты, считай, мореход! Теперь вторую ногу в мореходную крести!

– Как тебе мой приют, мореход? – негромко поинтересовался подьячий.

– Славное место! Жратва от пуза, никогда не скучно, науки толковые. Мальчишки вырастут всем на зависть. И в драке, и в знании любому фору дадут. Повезло. Родной родитель, знамо дело, – цыкнул зубом Роде, – родной дитятку свою на такую муку не отдаст. Полдня в седле, полдня с пером и бумагой, полдня со шпагой али на лестнице. И всей свободы – крепкий сон по ночам. Родные своих отпрысков в перины кутают да пирожными кормят. Наукой же с малой ложечки кормят. Потому из графьев и королей токмо тюфяки пузатые и растут.

– Ладно, хватит болтать! – сразу посуровел Басарга. – Я по твою душу прискакал. Собирайся, ты мне нужен.

– Да? – резко обернулся к нему датчанин. Несколько мгновений смотрел в глаза, потом глянул на ванты, на боярина, снова на ванты. Вскинул брови: – Не может быть!

– Рот закрой! – потребовал боярин.

– Воля твоя, господин, – заученно поклонился датчанин, ухмыльнулся и добавил: – Однако, мыслю, ленивых пузанов вскорости ждут большие трудности.

– Неправда это, – после короткого колебания ответил Басарга. – На Руси принято престолу и православию служить, а не за титулами гоняться. Царь токмо поместьями и серебром

наградить может, но не родовитостью. Слуг храбрых и умелых вырастить для отчины хочу, а не графьев и королей новых.

– Воля твоя, боярин, – опять не стал спорить Роде. – Однако же, коли и у меня здесь потомство уродится, хотел бы его к твоим «сиротам» в компанию определить. Возьмешь?

– Ты хочешь остаться? – теперь удивился подьячий. – Завести здесь семью?

– А куда я денусь, господин? – развел руками датчанин. – Я твой пленник, выкупа мне платить нечем. Видно, судьба.

– Коли судьба, возьму, – пообещал боярин Леонтьев. – Однако же в дорогу все едино соберайся. Завтра в Вологду поедem.

– Дня три мне дай, господин, – попросил датчанин. – Чтобы уроки на середине не рвать. Хотя в общих чертах объясню, как в открытом море определяться, раз уж в подробностях не получается. А то что же за учение выйдет, коли наполовину брошено? Это как шлюпка с одним веслом получится. Надобно хоть какую палку да во вторую уключину воткнуть.

– Три дня? – Басарга подумал, глядя, как счастливый Егорка шустро скользит по веревочной лестнице вниз.

Интересно, он чей? Мирославы, Матрены? Неведомой софонинской паломницы али просто кого-то из местных смердов?

– Боярин!

– Три дня? – очнулся от задумчивости подьячий. – Три дня не страшно. Заканчивай.

– Благодарю, господин.

– Матрену-книжницу не видел? Счету и письму учит.

– Вроде как в Корбалу отлучилась. Лавка там у нее, от монастыря недалеко.

– Я прошел, прошел! – бегом домчался до датчанина Егорка прыгнул на него и обнял на уровне пояса.

– Молодец! – похлопал мальчонку по спине Роде. – Теперь меч и усы носить имеешь полное право. Ибо – мужик! А еще раз сможешь?

– Смогу! – Егорка отпустил датчанина и снова помчался к вантам, расталкивая других мальчишек.

Басарга хотел было спросить, почему на вантах тренируется одна малышня, но передумал. Сказал же датчанин, что для подростков одни занятия, сложные, а для детей малых – другие. Может статься, на уроке слова Божьего они сейчас сидят или пищали разбирают, сабли точат – кто знает? Сам же хотел как можно большему «сирот» научить. Вот они и учатся.

Оставив Роде заниматься с детьми, подьячий вернулся в усадьбу. Велел позвать старосту. Боярин хотел приказать оседлать лошадь, чтобы обернуться в Корбалу – но Тумрум, выскочив на крыльцо, радостно крикнул:

– Протоплена баня, батюшка! Извольте париться! Вот, и квасок с ледника аккурат туда несу. Пенистый, с хреном и мятой!

– Ну наконец-то! – кивнул Басарга.

Как ни хотелось ему встретиться с Матреной еще раз, но помыться после долгого пути все-таки было нужно. И без того первую ночь грязным провел.

– Ты вот что, Тумрум... Коли Матрена-книжница появится, ко мне ее пришли. Забыл вчера несколько поручений ей дать.

Отчего староста принес в баню квас, а не мед или пиво, Басарга так и не понял. Может статься, день случился постным? На накрытом в предбаннике столе токмо копченая и соленая рыба, маринованные огурцы, моченые яблоки да курага с изюмом. Никакого мяса.

Впрочем, распарился подьячий всласть и без хмельного. Отогрелся, окатился, снова прогrelся до нутряного жара, выскочил наружу, с разбега нырнув в сугроб, побарахтался в нем, вернулся на верхний полук, парился, опять прогrelся, окатился теплой водой, вышел в предбанник отдохнуть...

– Привел я Матрену, боярин! – оказывается, здесь его поджидал староста. – На пути в приют холопы заприметили. Позвать?

– Зови, раз нашел, – сев за стол, подьячий накинул на чресла полотенце, придвинул ближе блюдо с копченым судаком.

– Давай, книжница, заходи! – приоткрыв дверь, кликнул женщину Тумрум.

– Звал, боярин? – бесшумно скользнув внутрь, низко поклонилась воспитательница, одетая во все тот же скромный кафтан и закутанная в пуховый платок.

– Звал, – кивнул ей Басарга, наливая себе квасу. – Видел я сегодня, чего датчанин мой на деревьях нагородил... Как он тебе? Учитель толковый или зря детей мучает? С прилежанием в приюте трудится али дурака валяет?

– Хваткий он, боярин. Старательный, – размеренно стала перечислять Матрена. – Коли морскому делу учить начал, так не словами обходится, а лестницы и веревки навязал, и первый же по ним бегают, правильное поведение указывая. Коли про звезды рассказывает, так не в светелке днем, а ночью ясной на улицу детей выгоняет. И мечами с топорами мальчишки теперь каждый день по часу машут. Раньше как было? Как приедут твои побратимы, так несколько дней все бегают, дерутся и стреляют. Уехали – и тишина. Токмо холопы время от времени собираются да вместе с детьми «Готский кодекс» разучивают...

Староста закашлялся:

– Дык, работы в сезон много, боярин. А с палками поскакать и зимой можно.

– Тумрум лошадей каждую неделю дает, так в эти дни дети с утра до вечера в седле, – покосилась на старика женщина. – Летом, бывает, и в ночное ходят. Датчанин, рассказывают, их до самой Двины водит, путает и заставляет по небу путь домой находить.

– Ишь, как за дело взялся, – покачал головой Басарга.

– Неугомонный, шило в заднице, – встрял в разговор Тумрум. – Вечно ему скучно, все не так, все переделать норовить... Дозволь уйти, боярин? Надобно дрова принять, мужики затоньские по оброку привезли.

– Ступай, – разрешил боярин.

Староста поклонился, хлопнул дверью.

– Значит, к месту Роде пришелся? – сделал вывод подьячий.

– Кто, кроме мужика настоящего, мужика воспитать сможет? – пожала плечами книжница. – Я умом, может статься, и понимаю, чего надобно. Да токмо мне ни на веревки детей не загнать, ни в поле с ними не подраться. Бабу слушать никто не станет.

– Ты зипун-то снимай, тут жарко.

– Прости, боярин, не могу, – покачала головой женщина. – На занятие с малышами опоздаю.

Как всегда, книжница была согласна на близость лишь по своему желанию.

– Значит, без датчанина в школе опять все завянет и поскучнееет? – не стал настаивать подьячий.

– Мужик во главу нужен. Да чтобы не по принуждению, а с интересом делом сим занимался.

– Понятно, – Басарга поднялся, обернулся полотенцем: – Может, кого посоветуешь?

– А нужно ли, боярин? – опустила глаза к полу женщина. – На что столько мудростей детям малым?

– Не скажи, – подойдя вплотную, прошептал ей подьячий. – Мир меняется, и люди мудрые в нем уже куда выше храбрых ценятся. Разве стал бы я подьячим царским, кабы казначей белозерский меня хитростям учета податного не обучил? Ходил бы сейчас нищим десятником стрелецким, и мы бы даже и не встретились, верно.

– Все равно бы встретились! – вскинула голову Матрена, и губы их оказались совсем рядом. Басарга чуть наклонился, крепко ее поцеловал:

– Сокровище мое! Я бы тебя все равно нашел, не сомневайся. Да токмо все едино... Без знаний казначейских – не быть бы мне подьячим. А знай я поболее, так мог бы и в дьяки приказа какого выбиться. Кабы не твои «Готские кодексы», давно бы сразили меня в любой из стычек. И только благодаря учению этому я тебя сейчас обнимать могу. Только учение старательное наукам земным и боевым в наше время из низов выбиться позволяет. В наше время одной храбрости и знатности уже мало. Пуля и рогатина о родителях не спросит, она и худородного и князя равно разит. Посему ради блага детей наших воспитать их должно лучше княжеских.

– К чему детям купеческим с князьями тягаться? – пожала плечами книжница. – Все едино за один стол не позовут.

– Даже и не думай! – отрезал Басарга. – Как подрастут, я каждому по наделу в поместье отрежу и в Разрядную книгу запишу. Не быть им купцами. Детьми боярскими значиться станут!

– Бояре кровью державе служат, – шепотом ответила женщина. – Купцы же серебром простым. Не жалко тебе сыновей родных на алтарь царский приносить?

– Коли бояре кровью державу не укрепят, так и купцов никакое серебро не спасет, – уперся лбом в ее лоб Басарга. – А у нас еще и дочери растут. Кто их оборонять станет, коли сыновей от службы спрячем? Кровь и слава – удел боярский. Ради них сердца наши стучат. А тишина и уют – мечта бабья. Ими ты девок соблазней.

– Вот потому мне в приюте верховодить и нельзя, – резко отпрянула женщина.

Басарга чертыхнулся, теряя равновесие, и только в последний миг поймал падающее полотенце.

– Матрена!

– Мне пора!

Дверь хлопнула, подьячий остался один. Он чертыхнулся еще раз, вернулся к столу, выпил квас, доел рыбу и стал одеваться.

– Мужик так мужик, – буркнул он себе под нос. – Будет вам в приют боярин с «интересом».

* * *

Распаренные лошади свернули в устье реки Шаньга незадолго до сумерек, промчались две версты вверх по течению и направились к причалу, отмеченному двумя продолговатыми сугробами – это лежали вытащенные на зимовку струги. Обогнув прорубь, в которой две девки в тулупах поверх исподних рубашек полоскали белье, всадники по тропе выехали на берег, поднялись ко взгорку и въехали в распахнутые ворота. Спешились.

Кто-то из дворни под крыльцом испуганно вскрикнул, кинулся вверх по ступеням.

– Узнали, – удовлетворенно кивнул Басарга, бросая поводья Тришке-Платошке. Холоп принял коня и у Матрены, после чего повел скакунов со двора: уставших лошадей в первую очередь надобно выходить, а уж потом поить, кормить и чистить.

Выжидая время, опричник прошел по двору, осматриваясь.

Хоромы в усадьбе, понятно, были новенькими: недавно ошкуренные бревна еще не успели потемнеть, мох топорщился свежими стеблями, под свесами кровли янтарно блестели крупные капли смолы. Вместо камней в фундамент были положены толстые листовенницы, на которые опиралась высокая подклеть. Дом стоял углом к реке, по десяти сажен в каждой стороне, от торцов начинались навесы, заднюю стену которых заменял частокол. Стоя плотно друг к другу, они окольцовывали двор и сходились к воротам. Как понял подьячий, хозяин задумал срубить здесь амбары, птичники и хлев, но еще не успел...

– Басарга! Побратим! – Могучий Тимофей Заболоцкий, выскочив на крыльцо в одной рубахе и шароварах, с тафьей на бритой голове, с грохотом сбежал вниз и крепко, до хруста костей обнял друга. – Какими судьбами?! О боже, Матрена! И ты тоже?!

– Да вот, истребовал боярин зачем-то, чтобы я с ним отправилась, – развела руками книжница.

– И правильно истребовал! – обнял и ее Тимофей. – Да вы, поди, окоченели с дороги? Идем в дом скорее!

Он потащил гостей к крыльцу, на самом верху которого терпеливо дожидалась своей очереди щекастая женщина в округлой енотовой шапке и шубе с рысьим мехом.

– Это Плутана, супруга моя венчаная, – представил хозяйку боярин, и та поклонилась, протягивая ковш, полный чего-то красного, пахнущего малиной и лесом: – Здравствуйте, гости дорогие. Вот, испейте с дороги!

Подьячий принял корец, поднес угощение к губам. Напиток оказался ему незнакомым. Он напоминал немецкое вино, но был явно слабее, и вкус имел не виноградный, а ягодный. Видимо, что-то свое боярыня варила и настаивала. Допив, гость перевернул ковш, демонстрируя по обычаю, что внутри не осталось ни капли, и вернул женщине:

– Благодарствую, хозяйшка.

– Это, Плутана, побратим мой, Басарга, – снова обнял гостя за плечо Тимофей, – о коем я тебе столько сказывал. А сие есть удача его главная, Матрена-книжница. Она нам всем жизнь как-то спасла, за что поклон ей низкий...

Боярин и вправду поклонился, и поневоле сложенный надвое подьячий едва не соскользнул со ступеней.

– В дом прошу, гости дорогие, – повела рукой в сторону дверей Плутана Заболоцкая. – Отведайте, чем бог послал.

Изнутри хоромы боярские тоже были еще необжитыми. Голые бревенчатые стены, пол лишь местами прикрыт вязанными из тряпичных обрывков ковриками, нигде ни светильников, ни лавок, ни сундуков. Вдобавок внутри было довольно холодно. То ли с печами где-то строители ошиблись, то ли дров не хватало, чтобы дом натопить.

– Ничего, обживемся! – поймав взгляд побратима, сказал Тимофей. – Ныне токмо в опочивальне уют устроили, да с посудой на кухне в достатке, с собой много привезли. Зато палаты нынешние не чета старым. В отцовском наделе все локтями считали, здесь саженьями. Был бы дом, а ковры и светильники накопятся.

Горница с двумя слепыми окнами, в которой был накрыт стол, тоже поражала аскетизмом. Однако же здесь имелся стол, сбитый из толстого теса, и несколько лавок из чурбаков – расколотых вдоль бревнышек. И словно для контраста – на этом столе стояли медные кубки, серебряный кувшин, оловянные тарелки. Вестимо – тоже от прежней жизни посуда осталась, из старого дома. Хотя большая часть мисок и подносов были, понятно, деревянные и глиняные. На них лежали пироги, квашеная капуста, заливная рыба. Какое-то мясо – но совсем немного. Хозяева явно не жировали...

– Зря я тебя не послушал, – признал Тимофей, наполняя кубки ягодным хмельным настоем. – Распахать несколько лугов попытался, огуречники теплые сделать. Токмо напрасно силы потрачены оказались... Огуречники осыпались, не держатся ямы в земле здешней. Хлеб усох, так в колос и не пойдя. Токмо капуста да репа и удались. Ну, репа, знамо дело, везде растет, куда ни кинешь. Хорошо хоть, с тонями по-твоему сделал и заколы на реках поставить велел. Посему хлеба у нас в амбарах нет, а рыбы полные погреба. И соленой, и копченой, и вяленой... Постная зима, так вышло, у нас в усадьбе выдалась. И с лесом удобно сложилось. Сколько стволов на месте свалили, из того и построили. Таскать, почитай, ничего и не понадобилось...

– Милый... – негромко произнесла Плутана.

– Ой, совсем заболтался, – спохватился боярин и поднял кубок: – За встречу долгожданую!

– За встречу, – эхом ответили гости и выпили. Потянулись за угощением.

– Что там боярин Зорин опять мудрит? – поинтересовался Басарга Леонтьев. – Мы мимо поместья его проскакали, там тихо все и сонно. Токмо избы деревенские топятся.

– Нечто ты Софония не знаешь? – усмехнулся Тимофей. – Оброк на смердов своих раскидал да в Москву умчался. У него там, вишь, хлопоты да доходы. Знаю я его доходы... После которых либо младенцы появляются, либо калеки, палками до полусмерти битые.

– Типун тебе на язык, – тихо и ласково пообещала хозяйка.

– Софонию не грозит! – снова разлил вино боярин Заболоцкий. – Он среди дочек боярских и жен княжеских сызмальства крутится. Его поймать – это как юркого карася среди болотной травы. А коли и поймать... Клинком крутить он не хуже любого из нас умеет. Ну, за братство наше давайте выпьем! За дружбу, за братчину!

– За дружбу! – опрокинул кубок Басарга, уже чувствуя, как начинается шуметь в голове. Похоже, Плутанина наливка была отнюдь не слаба. – Как там Илья?

– Тоже отстроился! Поболее моего хоромы будут. С тонями и огородами погребца заполнил, не голодает. Супруга его летом двойню родила, не слыхал?

– Да я все в разъездах, – развел руками подьячий.

– Тогда за Илью? – Они снова выпили, и Тимофей Заболоцкий мечтательно продолжил: – А места тут славные, людьми нетронутые. Охота-а... Ты с кольчугой? – Он резко наклонился вперед: – Ну, скажи, что броню с собою брал! Ты ведь без нее не ездешь.

– Брал, – признался Басарга.

– Ага! Значит, завтра на охоту! – восторженно воскликнул боярин и снова наполнил бокалы: – За государя нашего! За Иоанна Васильевича, что уделами такими нас всех наградил!

– Я велю за трубой гостям постелить, – поднялась хозяйка. – А ты, милый, не налегай. Не то до утра пропируешь, день проспшишь, и плакала твоя охота горячими слезами.

– Завтра проспимся, послезавтра в лес пойдем! – отмахнулся Тимофей.

– Послезавтра мы обратно скачем, – покачал головой Басарга. – В Вологду надобно возвратиться. Служба.

– Вот так он всегда, милая! – всплеснул руками боярин. – Как с ним ни встретимся, вечно спешит куда-то, поручения исполняет, книги смотрит, дни считает.

– Так ведь сразу видно, человек царский, – обернулась в дверях жена. – Всегда при деле.

– Ну, коли так, то за опричников выпьем! – поднял кубок Тимофей. – За слуг царских! За людей чести! За тех, кто покоя не знает, пока мы с тонями и охотами балуемся. Что скажешь, друже, на охоту идем?

– Идем! – решительно согласился Басарга и выпил вино.

«За трубой» означало именно за трубой – небольшая светелка, одна из стен которой посередине горбилась от кирпичной кладки. Труба была горячей – и комнатку тоже наполняло тепло. В этом заключалось ее единственное достоинство. Все остальное: голые стены, тесовый пол, широкий топчан у стены с травяным матрасом и кошмой вместо одеяла навевали мысли если не о скупости хозяев, то об их крайней нужде. Хорошо, хоть белье нашлось – постель была застелена.

– Я в людской могу поспать, – неуверенно проронила женщина.

– Ты это кому, Матрена? – усмехнулся Басарга, проходя вперед со свечой в руке. – Здесь же никого нет.

Поставить свечу было некуда. Разве только на подоконник. Боярин покрутился, повернулся к женщине. В свете приплясывающего языка пламени ее щеки заметно порозовели, в глазах появились бесовские огоньки.

– Может, сам отпустить пожелаешь? – ответила книжница.

Басарга не ответил, и на некоторое время в комнате стало тихо. Матрена не выдержала, спросила:

– Чего молчишь, боярин? Мне уйти?

– Ты ничуть не изменилась, – покачал он головой. – Точно такая же, какой тогда, на рождественском гулянье, мне встретила. И улыбка та же, и глаза, и волосы. Пятнадцать лет, почитай, прошло. А как один день промелькнул.

– А сколько мне тогда было? Двадцать? То есть сейчас уже четвертый десяток скоро кончится?! – охнула женщина. – Боже, неужели я такая старая? Боярин, зачем ты мне это сказал?!

– Перестань глупости нести! Ты за годы сии токмо похорошела... – Он опять покрутил головой, но места для свечи так и не нашел, а потому просто задул ее, отбросил и привлек любимую к себе, стал жадно целовать, потянул к постели.

Брать Матрену на руки боярин не рискнул. За минувшие годы женщина заметно поправилась. Стыдно признаться, но Басарга боялся ее уронить...

Это был тот редкий случай, когда боярин и книжница могли быть вдвоем сколько захотят – не таясь, не торопясь, не оглядываясь на дверь, не прислушиваясь к шагам снаружи. Что за смысл скрываться от Тимофея, видевшего рождение их любви с самого начала, или от чужой дворни? Что им за дело, с кем провел ночь заезжий гость?

Боярин проснулся первым, тихо приподнялся на локте и в слабом утреннем свете, сочащемся через затянутое промасленным полотном окно, долго любовался самой дорогой для него женщиной на свете, рассыпавшей длинные волосы по соседней подушке, тихонько посапывающей маленьким курносый носиком.

Как говорят в народе? «Любовь зла...» И ведь надо было судьбе-злодейке так над ним поизгаляться, чтобы наградить любовью сразу к двум женщинам! Да еще столь непохожим. Одна стройна и стремительна, хитра и настойчива, жаждет красоваться во всеобщем внимании и повелевать. Другая – упитана и мягка, от споров уходит, никогда ничего не просит, хочет оставаться тихой и незаметной, от любого внимания ускользая... С одной открыто обручиться нельзя, ибо знатна слишком, другая, наоборот, простолюдинка.

И что ему со всем этим безумием делать?

Воистину – зла любовь, так над людьми подшучивая...

Хорошо хоть, дети обеих о сем конфузе ничего не ведают, вместе в одном приюте воспитываясь. Вот только не отец он для них, выходит, а доброхот случайный, что для успокоения душевного сироток Бога ради растит.

По спине опричника прополз неприятный холодок. Он поежился, осторожно выбрался из-под кошмы, потрогал трубу – все еще теплая – натянул порты, рубаху, остальную одежду просто сгреб и выскользнул в коридор. Отошел от двери на несколько шагов и уже тут, не боясь шуметь, оделся.

– Басарга, ты? – окликнули его со стороны лестницы. – А я аккурат будить тебя собирался. Тришка-Платошка юшман твой уже разложил, лошади оседланы, рогатины у седел. Поехали!

Путь охотников был недолгим: непролазная чащоба начиналась, почитай, прямо от ворот усадьбы. Пару верст бояре ехали по узкой тропе, петляющей между могучими треххватными соснами, и примерно через полчаса остановились возле завала из нескольких сцепившихся вершинами деревьев, перекрутившихся и рухнувших, выворотив корнями землю.

– Дальше пешком, – спрыгнул с седла Тимофей Заболоцкий, скинул тулуп, оставшись в одной лишь панцирной кольчуге, забрал у холопа рогатину. – Чего лошадей попусту пугать?

Подьячий последовал его примеру, оставив Тришке-Платошке зипун и саблю, положил копье на плечо и зашагал вслед за побратимом, проваливаясь в снежные завалы почти по пояс.

Искрящиеся на солнце сугробы были заморожены насквозь и легки, как пыль. Но когда этой пыли так много, что ноги не поднять – пробиваться сквозь нее получается не так-то просто.

– Тут рядом! – оглянувшись, приободрил его могучий боярин, решительно вспарывая целину своей железной грудью.

Одолев всего две сотни сажений, Басарга вспотел уже так, словно целый день мешки таскал. Когда побратим остановился, то он, пользуясь передышкой, скинул на снег шапку и рукавицы, им же отер горящее лицо:

– Далеко еще?

– Да вот она, видишь? – Заболоцкий указал на темное пятно, из которого еле заметно сочился слабый парок.

– Берлога! Как же ты ее нашел, друже?

– Промысловики еще по осени приметили. – Тимофей тоже скинул шапку и метнул на лысину снежную пыль. – Никогда не знаешь, как правильно одеваться надобно. Пока скачешь, вроде как холодно. А пешком идешь, так уже через минуту упаришься.

– У тебя промысловики «на отходе»?

– Полдеревни отхожим промыслом живет. Барщиной их не отяготить – уйдут. А на оброк малый согласились. Им ведь тоже неохота избы обжитые бросать и в новом месте строиться... – Боярин Заболоцкий принялся утаптывать снег. – Опять же, и им спокойнее, когда за семьями пригляд. Они ведь полгода по лесам бродят. Кто детей и женок защитит, коли беда случится? Так и сговорились. Ну, и подарки иногда на свой манер делают. Берлогу, вот, показали. Я всю зиму собирался, да руки никак не доходили. Так что ты зело ко времени меня навестил.

– Медведь молодой али матерый? – Подьячий стал помогать другу, расчищая и утаптывая площадку.

– А кто же его знает? Каковой выскочит, такого брать и станем. Главное, шкуру не попортить! Чтобы потом не промокала, коли на улице укрываться доведется. Токмо в глотку бей али в грудь. Ну, или в брюхо.

– Понял, – кивнул Басарга, перехватывая свою рогатину двумя руками.

Боярин Заболоцкий встал перед продыхом и вогнал в него копьё почти на всю длину, пошуровал там, несколько раз широко двинул вперед-назад, снова пошуровал. Однако изнутри никакого ответа не последовало.

– Чего он там, спит, что ли?

– Да знамо, что спит! – рассмеялся подьячий. – Чего еще медведю зимой делать?

– Не раскапывать же его теперь... – Тимофей снова покачал копьём из стороны в сторону, потыкал в другом направлении. Оглянувшись: – А как там Мирослава? Из усадьбы твоей, знаю, съехала. Нешто повздорили?

– Нет, не ссорились. – Басарга опустил рогатину подтоком на землю, оперся на ратовище. – Заскучала она в безвестности, ко двору опять захотела. Ныне кравчей у царицы служит. Хвалит кабардинку лихую. С нею, рассказывает, не соскучишься. Охота, скачки, пирушки, прогулки. Сиднем Темрюковна не сидит, рукоделием не балуется.

– Снова, выходит, в кравчии выбилась?

– Выбилась.

– Опять при дворе живет?

– Опять.

– А как же вы...

Сбившийся в лазу снег внезапно разлетелся белым, словно пороховым, разрывом, наружу с ревом вырвалась огромная тесная туша, сбила Тимофея с ног, отшвырнув на несколько шагов, кинулась сверху.

– Друже! – Басарга кинулся следом, взмахнул рогатиной... Но в последний миг вспомнил наказ побратима о шкуре и колоть зверя в бок не стал, ударил под шею, пробросил тол-

стое древко почти на половину длины и вздернул вверх, поднимая мохнатую морду. Челюсти громко щелкнули в воздухе, еще раз – но до человеческого горла медведь из-за ратовища не доставал. Он снова ударил свою жертву лапой по груди и плечу, резко сорвался с места, кида-
ясь уже на Басаргу.

Подъячий отпрыгнул, поддерживая рогатину ближе, но недостаточно быстро: зверь обеими лапами врезался ему в грудь – словно ядра пушечные ударили, – опрокинул, распахнул пасть. Боярин еле успел прикрыться, и челюсти сомкнулись на ратовище. Прямо на лицо с хрустом посыпалась щепка, закапала слюна. С несообразным месту спокойствием Басарга отметил, что пахло из пасти не зловонием, а распаренной сосновой хвоей.

– А-а-а! – Тимофей, вскочив и выдернув косарь, кинулся на помощь, принялся бить зверюгу ногой в бок, ближе к животу.

Медведь зло зарычал, покачал мордой, но справиться с толстым кленовым ратовищем не смог. Еще раз клацнув челюстями, он распрямился, раскинул лапы, с грозным ревом пошел на Заболоцкого. Тот облегченно вздохнул и позволил себя обнять, одной рукой под подбородок толкнув морду вверх, а другой – вогнав длинный нож жертве в грудь. Зверь зарычал, мотнул головой, освобождаясь, но Басарга уже поднялся и тоже кинулся на него, обнимая за шею и подпихивая плечо под пасть, не давая ее опустить и вцепиться другу в горло.

Некоторое время зверь еще брыкался, рвал врагов лапами, мотал головой, пока наконец не издал жалобный стон и не повалился набок.

Бояре отскочили, настороженно глядя на поверженного врага. Звери бывают разные. Иные и оживают. Причем аккуратно в тот миг, когда опасности от них уже и не чувствуешь. Но у этого смертная пелена уже медленно застилала глаза.

– Как быстро они, однако, сохнут, – вздохнул Тимофей Заболоцкий.

– Кто? – не понял Басарга.

– Да звери добытые. Когда этот на меня кинулся, то, вот те крест, вдвое больше был! А теперь смотри: такой маленький, что и похвастаться нечем.

– Это верно, – рассмеялся подъячий. – Когда на меня прыгал, тоже во-от такенным показался!

– Ну что? Раз взяли, давай свежевать. Разделаем, завтра тебе в дорогу медвежатины дам, чтобы мясо крепкое на костях росло.

– Да, завтра... – Басарга пригладил бороду. – Хочу я тебя просить, побратим, со мною поехать.

– Коли надобно, я всегда готов! – посерьезнел боярин. – Что за беда? Холопов снаряжать?

– За приютом моим ближайший месяц присмотреть надобно. Или сколько получится.

– Так там твой полонянин ныне заправляет, просто на диво ловко! Жена уже согласилась отрока нашего на воспитание отправить. Самим так, увы, не получится. Что счету, что письму, что делу ратному.

– С собой я Карста Роде забираю, друже. Нужен. А без него приют оставить не на кого. После его стараний сразу видно, что от воспитательницы любящей али старосты назначенного толку никакого не будет. В бабах лихости нет... – Подъячий пнул ногой мертвого медведя. – Она потехи ради на медведя ходить не научит и по вантам через страх лазать не заставит. Такое токмо мужик от мальчишки истребовать может. Женщина – это утешить, приласкать, приголубить... А с ножом на медведя... Такого веселья они не понимают.

– А если другого такого же лихого дядьку поискать?

– Есть вещи, друже, каковые за плату мало кто сделать способен, – пожал плечами Басарга, звякнув пластинами юшмана, слегка вдавленными в месте удара медвежьих когтей. – Отцу надобно сына достойного и храброго воспитать, а воспитателю нанятому – серебра побольше заработать. Посему и мыслить они о делах будут по-разному. Ибо цели у каждого свои.

– Но ведь датчанин твой по совести все устроил!

– Датчанина мне Господь, вестимо, послал, дабы я увидел, как оно быть должно, – пере-
крестился Басарга. – И теперича обратно в сонное бубнение я приют опустить не хочу. А для
того за детьми должен не монах с псалтырем приглядывать, а настоящий отец. И лени, отпи-
сок, пустобрехства не попускать!

– Хочешь сказать, сына мне тоже в дорогу надобно собирать? – отер косарь от крови
боярин.

– Да, друг мой. На тебя да на Илью вся моя надежда. Чтобы под вашим приглядом дети
такими росли, какими вы своих сыновей видеть хотите. Сам я, такая уж служба, делу сему
только серебром помогать могу. А догляд приюту нужен постоянный.

– Что же... Для того мы, друже, братчину и пили, чтобы единым целым на этом свете
быть, – с громким щелчком вернул косарь в ножны боярин Заболоцкий. – Езжай в свою
Вологду. Прослежу я за твоим приутом. Коли не по разуму, так по совести.

Вологда

С казенным делом Басарга желал управиться побыстрее, а потому до самой Вологды даже не доехал, остановившись на постоялом дворе неподалеку от верфи, благо на речной развилке между торным путем к Славянскому волоку и дорогой на город летом всегда шумел богатый торг, и домов для путников здесь было срублено немало, на любой вкус – и для нищего смерда светелку можно найти, и для богатых купцов обширные покои, коврами выстеленные, сукном обитые, с перинами высокими, сундуками коваными...

Впрочем, царский подьячий обошелся горницей обычной, с опочивальней да светелкой отдельной, дабы днем было где книги посмотреть, а ночью, чтобы холоп и датчанин рядом спали, а не в общей людской. Тем паче, что и задерживаться дольше нескольких дней боярин тут не намеревался. Сразу по прибытии он отвел Карста Роде к верфям, отправившись первым делом к навесам, показал:

– Вот, смотри. Тес для строительства кораблей заготовлен. Как на твой взгляд, материал хороший? Цену купец не завышает? Такой он на борта надобен или мутят чего корабельщики?

– Ага... – Датчанин прошелся между стопок с досками, присел, заглянул в середину одной пачки, другой, принялся просунул руку в глубину, погладил, понюхал, восхищенно покачал головой: – Золото, а не лес. Сколько твой купец за него просит?

– Сто семь рублей за такую пачку. Токмо еще со строганием и пропиткой маслом от гнилья.

– То ж лиственница, чего ее пропитывать? – удивился Роде. – Она и так не гниет.

– То есть привирает купец?

– У богатых свои причуды, боярин, – пожал плечами датчанин. – С пропиткой оно всегда лучше, нежели без пропитки. Дольше проживет, меньше протечет. Коли взаправду маслом мажет, то без обмана. Хотя, мыслю, можно обойтись. Сто семь рублей – это гривна московских али две новгородских, полста в гульденах... Ну, коли в Любеке торговать, я бы втрое супротив здешнего продал. Причем безо всякого стругания, заметь, и пропитки.

– То есть с ценами корабельщики не мутят?

– Может статься, чего-то им от сего в мошну и капает, – выпрямился Роде. – Однако же дешевле ты, мыслю, леса такого не найдешь. Токмо сапоги понапрасну стопчешь.

– Ага, – удовлетворенно кивнул Басарга. – Ну, коли так, пошли на стапеля. Посмотрим, что ты там про строительство скажешь.

С помощником он не ошибся. Была в попавшемся подьячему пленнике какая-то нутряная шебута, что не позволяла ему исполнять данные поручения в половину сил. Послали учить – он и ванты навязал, и поединки наказательные ввел, и в походы конные ходил. Послали убивать – дрался до последней капли крови, себя не жалея. Попросили строительство проверить – тут же по корпусам полез, в каждую щель заглядывая, балки простукивая, под кили занырявая.

– Ну, что скажешь? – требовательно поинтересовался боярин Леонтьев, когда датчанин поковырялся в семи выбранных наугад кораблях. – Работа добрая?

– Так это как посмотреть, – усевшись на краю одного из помостов, пожал плечами Роде. – Смотря чего ты от них хочешь.

– Ты говори, как есть. А уж я там как-нибудь решу.

– Ну, – закинул датчанин голову, глядя через себя на ближайший борт, – шпангоутов и бимсов, на мой взгляд, можно вдвое меньше ставить. У нас на Эльбе такой плотный набор отродясь не делали. Тут тебе сразу и на материале, и на времени, и на работе треть экономии. Однако же, сам понимаешь, крепче от сего корпус, знамо, не станет. Коли гвоздями доски

прибивать – это тоже раз в пять быстрее работа двинется. У нас уже давно все так делают. Но гвозди в воде гниют, как безумные. Корешки же сосновые еще нас с тобой переживут.

– Да что у вас там за лоханки такие, иноземец?! – не выдержав, рявкнул с палубы полусобранного коча один из плотников. – Вам на них плавать не страшно?!

– Страшно, но быстро! – крикнул в ответ Карст Роде. – Про каравеллы когда-нибудь слышал? Сии корабли двумя отличиями всем морякам известны. Тем, что быстрее их во всем мире ничего не строят. А также тем, что не бывает такого перехода на каравелле, чтобы хоть чего-нибудь на них да не отвалилось! Полкоманды всегда на вантах, а половина ремонтом занимается.

– Не, мы так не умеем, – засмеялся сверху плотник. – Коли ты у меня работу примешь, так и внукам, и правнукам твоим ничего латать не придется.

– У внуков и правнуков пусть у самих голова о судне болит! – хмыкнул Роде. – Зато каравелл по цене твоей лоханки пять штук купить можно!

– Токмо моя лоханка твои ракоквелы в пять раз переживет все вместе взятые!

– А что мне твои «пять раз», коли товар не опосля, а прямо вчера возить надобно?

Неизвестно, как долго пререкались бы мореход и корабельщик, да только тяжелый топот, тревоживший Басаргу последние четверть часа, внезапно ворвался в проулок между постоянными дворами, воплотившись в полсотни хорошо одетых всадников, скачущих на драгоценных туркестанских и персидских лошадях. Даже мчащаяся впереди охрана была в ярких зипунах и собольих шапках, уздечки и седла сверкали серебряными клепками, наборные пояса лучились солнечным янтарем и переливались самоцветами.

– Вот черт, царь! – ошеломленно выдохнул Басарга. – Как, откуда?!

Работники горохом посыпались с корпусов на землю, падая на колени и склоняя голову. Карст Роде задумчиво дернул себя за левую косичку, за правую, встал и, когда кавалькада приблизилась, сдернул шапку и низко поклонился, не забыв ею помахать. Подьячий тоже поклонился, приложив руку к груди.

– О-о! Боярин Леонтьев! – растолкав свиту, выехал вперед Иоанн, не в пример обычному одетый в расшитую золотом шубу, подбитую песцами, и в бобровой высокой шапке. Хотя, наверно, путешествовать в февральские холода в монашеской рясе было просто-напросто холодно. – На ловца и зверь бежит! Вот токмо вечер о тебе вспоминал, когда стройку смотрел.

– Готов отписать сегодня же составить, государь! – вскинул голову Басарга. – Еще месяц назад все книги и записи с делами сверил. Ныне же проверяю, как создание флота твоего идет. Отлучался за знатоком корабельным, каковой слова мастеров здешних подтвердить али опровергнуть должен.

– Датский мореход Карст Роде, – встрепенувшись, еще раз припрыгнул на месте тот и помахал шапкой: – К вашим услугам, ваше величество!

– Ты-то как опричнику моему в помощники попал, иноземец? – удивился Иоанн, подъехав немного ближе.

– Взят в плен на меч в честном поединке, ваше величество, – махнул шапкой по снегу Роде.

– По-русски, однако, молвишь резво! Откель так хорошо научился?

– О позапрошлой осени от корабля в Холмогорах отстал. Зиму там жил, а опосля еще год у боярина Басарги в поместье. Выучился!

– От корабля, рассказываешь, отстал? – провел рукой по бороде царь. – Ну, коли мореход ты таковой умелый, рассказывай, каков тебе мой флот новорожденный?! Как в Вологду свою любезную приезжаю, завсегда сюда скачу им полюбоваться. Хорош?!

– Так сразу и не ответить, ваше величество, – распрямился датчанин. – От того все зависит, для чего сей флот надобен?

– Для чего державе любой корабли потребны? – приподнявшись на стременах, окинул верфи гордым взглядом Иоанн. – Чтобы среди окиянов врага осаживать, равно как в полях кованые рати отбивают. Ныне на море Варяжском свеи и ляхи зело шкодничают, корабли русские грабя, товар на запад не пропуская, города лифляндские без припасов оставляя. Осадить желаю наглецов, покой и порядок в водах тамошних навести.

– Коли так, ваше величество, то корабли все эти сжечь вели немедля, – кивнул через плечо датчанин, – да вместо них иные, военные строить начинай!

– Что-о?! – Иоанн поднял своего туркестанца на дыбы, но тут же успокоил, потрепав ладонью по шее. – Новый почти флот спалить? Это почему?

– Корабли больно крепкие! Набор частый, борт двойной, пояс ледовый по ватерлинии, печи каменные в трюме, – спокойно и уверенно ответил Карст Роде. – В морях ледовых такие кочи, может, и хороши, ибо удары льдин легко держат, обмерзания не боятся, отогреться в стужу любую позволяют. Да токмо при всех достоинствах сих тяжелы они больно выходят. В одном и том же ветре слабого врага не догонят, от сильного не уйдут. Любой торговец им козью рожу показывать будет. Опять же, воевать чем? Коли пушки по верхней палубе ставить, так остойчивость пропадет, от бокового порыва любого коч перевернется сразу. А нижних палуб тут и вовсе нет. Пояс ледовый на кочах в тех местах, где пушки ставить положено. Вот и что за прок тебе, царь русский, на сей флот тратиться, коли его все едино первым же летом перетопят? Легкие и быстрые корабли зело дешевле выйдут, а пользы от них куда более. И в бою они удачливее, и казну не так разоряют, коли в схватке погибнуть доведется.

– Они, может, и дешевле, – хмуро ответил Иоанн, – да токмо кто мне такие продаст? Ни одна из держав морских ни за какое золото кораблей ратных мне продавать не желает.

– Коли тебе для войны суда нужны, ваше величество, зачем на покупки тратиться? – хмыкнул датчанин. – Свейский флот – это как пехота у нурманов. Все про нее слышали, да никто никогда не видел. Ляхи же и вовсе трусы известные. На них гаркни погромче, сами разбегутся. Дай мне одну каракку, государь, и месяц времени – я тебе этих кораблей сразу десять приведу! Только принимай.

Туркестанец заплясал на месте, ощутив гнев хозяина, но, как он ни крутился, тяжелый взгляд царя неотрывно лежал на лице Карста Роде.

– То ли гонору в тебе сверх меры всякой, иноземец, то ли храбрости, – наконец произнес Иоанн. – Однако же подьячему моему я доверяю, и раз он за тебя ручается, то доверюсь и тебе. Ты получишь каракку!

– Благодарствую, ваше величество, – низко поклонился повелителю всея Руси датчанин.

– Басарга!!! Твой человек, с тебя и спрос! Завтра ко мне с отчетом!

– Слушаюсь, государь.

– Малюта, – крикнул через плечо Иоанн. – Корабли достроить и снарядить! Там посмотрим, на что годятся...

Царь развернул скакуна и дал туркестанцу шпоры, посылая с места в карьер. Свита, кроша подковами лед в белую крошку, сорвалась следом.

– Ах ты сукин сын! – Едва отвернулся царь, Басарга схватил датчанина за горло. – Ты чего, поганец, под плаху меня подводишь?! Кто тебя за язык тянул?! Ты чего наобещал?!

– Пусти... – прохрипел Роде, двумя руками вцепившись ему в пальцы. – Задушишь... Коли убьешь, кто тебе корабли добудет?

Этот довод заставил подьячего ослабить хватку, и датчанин торопливо пробормотал:

– Знаю я море сие, как свои панталоны! Сколько себя помню, столько и плавал. Нешто мы нескольких кораблей у свеев не отобьем? Царь ваш, как их узреет, гневаться перестанет, точно говорю. Даже если пять вместо десяти приведем, казнить не станет.

– Надо было тебя сразу зарезать, – отпустил его боярин. – Теперь, похоже, поздно. Перед Иоанном за тебя поневоле отвечаю.

– Да ништо, господин! – потирая горло, выдохнул Карст Роде. – Нам бы одну каракку, да подготовить на совесть, чтобы не бултыхалась по волнам, а птицей летела. В умелых руках и один корабль может мир перевернуть. А я, поверь мне, боярин, не дурак, опыт имею.

– А по-моему, дурак... – тяжело выдохнул Басарга, думая над тем, что за новый хомут датчанин повесил ему на шею.

– Не грусти, боярин, фортуна с нами! – подмигнул ему датчанин. – Каракки по морю Варяжскому с пустыми трюмами не ходят. Царю корпуса, нам товары. Через месяц свою усадьбу сможешь от подклети до конька шелками обернуть! Коли выиграем, враз озолотимся. А проиграем: так с мертвых и спросу никакого! Как ни кинь, все к добру повернется. Царь платит, мы богатеем!

– И откуда ты только взялся на мою голову?! – сплюнул Басарга. – Ладно, выпиши на листок, что тебе для затеи понадобится. Государь завтра наверняка спросит.

* * *

Царские хоромы в Вологде были такими же новенькими, как и усадьба боярина Тимофея Заболоцкого. Но, конечно же, тщательно отделанными: с резными наличниками, столбиками и балясинами, с коврами на полах и кошмами на стенах, с масляными светильниками в коридорах и свечами в светелках. И, само собой, целиком и полностью жарко протопленными. Иоанн Васильевич тепло любил: от холода и сырости, сказывал, кости ныть начинают.

Однако же при всем богатстве вологодских царских хором скамеек здесь, на диво, не имелось. Во всяком случае в горнице, куда провели рынды подьячего, не имелось ни трона, ни скамей, ни даже застеленных покрывалами сундуков, столь привычных в русских домах. Царь, стоя у заиндеветого окна, беседовал о чем-то с незнакомым Басарге малорослым – ниже даже Ильи Булданина – рыжебородым боярином с мертвенно бледным лицом, одетым в простоватый охабень⁷ с завязанными на спине рукавами. Увидев поклонившегося издали подьячего, Иоанн поманил его к себе, спросил:

– Что принес?

– Отчет по тратам на строительстве ты составить повелел, государь.

– Не, читать не стану, – покосился на внушительный свиток Иоанн Васильевич. – На словах скажи, что заметил?

– Больших покраж не было. Мелких приписок и недостроя полтора десятка заметил, но подрядчики сие за свой счет поправили.

– Кто воровал? – встрепенулся малорослик.

– Список боярину Григорию передашь? – поинтересовался царь.

– Ни к чему сие, – покачал головой Басарга, догадываясь, зачем у него просят имена провинившихся. – Купцы все по уряду сделали, казне урона нет. Чего их зря трепать? Раз попались, к новому заказу знать будут, что царский глаз внимательный. Больше не забалуют.

– Так просто все и простил? – недоверчиво прищурился Иоанн. – Надеюсь, хоть какое наказание да назначил, дабы впредь неповадно было?

– Больше воровать не станут, – пообещал боярин Леонтьев, уходя от ответа.

– Что же, пусть будет по-твоему, мой верный слуга. Тебе верю, – царь кивнул на подьячего: – Запомни сего боярина, Малюта. Ему, чтобы преступников исчислить и невиновных спасти, никакие дыбы и кнуты не надобны. Одного взгляда в книги расходные хватает, и он уже все тонкости заговоров и краж ведает.

⁷ Охабень – теплый, зачастую меховой плащ с длинными рукавами, имеющими сбоку разрез. По слухам, руки чаще всего просовывали в разрезы, а рукава завязывали за спиной. При всех этих странностях – оставался в моде с XIV по XVII века, причем носила его не только знать, но и крестьяне. Видимо, что-то разумное в этом покрое все-таки имелось.

– Не о всяких заговорах в книгах пишут, – хмуро ответил коротышка. – Про иные и записки малой не сыскать.

– Коли хорошо поискать, хоть какой след, да обязательно сыщется, – пригладил бороду Басарга. – Задаром ныне никто ничего не делает. А где серебро пробежало, там завсегда и книга расходная прихоронена.

– Забудь про книги, боярин, – остановил его Иоанн. – Ныне у тебя другое поручение есть. Иноземец твой смету составил, что ему для начала войны морской надобно?

– Датчанин мой на удачу одну надеется, – честно предупредил подьячий. – Коли победит, наградишь. А коли побьют, так с мертвого спроса никакого.

– Коли он на удачу жизнь свою поставить готов, так отчего мне золотом малым не рискнуть? – пожал плечами царь. – Корабли ратные зело нужны. Да не опосля, а немедля. Коли хоть немного с разбойников свейских да польских спеси собьют, и то хорошо будет. Не истребит, так хоть напугает.

– Полтораста рублей на хороший корабль просит Роде и особо пищали твои, из приказа Пушкарского. Их ведь так просто не купить. А лучше казенных московских и не сыскать.

– Верно сказывал иноземец, кочи куда дороже обходятся, – хмыкнул Иоанн, поморщился, повел плечами. Пересек горницу и прижался спиной к желтой оштукатуренной стене. Вестимо – боковине стоящей в соседней комнате печи. Кивнул: – Быть по сему, пусть покупает. Казна расходы возвернет.

– Слушаю, государь, – поклонился Басарга.

– И еще одно, – опять поморщился царь. – Филипп на кафедру никак возвертаться не желает. Три письма уже ему посылал, не слушает. Молитвам, отвечает, себя посвятил. Тебя помянул однажды, дескать, глаза ты ему открыл. Съезди к нему, Басарга, уговори. Плохо мне без Филиппа. Иные иерархи все кто за родичей радеет, кто в заговорах повязан, кто стяжательством увлечен. Подсидывают друг друга, доносят, хитрят. Тьфу! Он един в Синоде чистым был. Заговорщиков обличал, за спиной не паскудничал, клеветников не привечал. Чем недоволен был, в лицо говорил. В делах державных завсегда рядом вставал, изменников проклинал. Без него я, словно калеккой одноруким, на столе своем маюсь. Ну, не на колени же мне перед ним вставать?!⁸

Иоанн болезненно скривился и махнул рукой:

– Ступай с Богом! И чтобы корабль ратный до паводка снарядил!

Едва Басарга оказался в коридоре, как его стремительно сгребли, толкнули в угол. Жаркий поцелуй замкнул уста – и женщина исчезла так же стремительно, как появилась, оставив в руке обрывок бумаги. Опричник развернул его, увидел простенький план двора, нарисованный угольком в уже знакомой манере, отмеченную крестиком светелку и улыбнулся:

– Мирослава!

Раньше ночи, покуда царица не ляжет, кравчая в свои покои вернуться не могла – а потому спешить было некуда. Басарга Леонтьев воротился на постоялый двор, у себя в светелке погрозил кулаком разлегшемуся в рубахе и портах на хозяйской постели датчанину:

– Попробуй токмо теперь пропасть! Из-под земли достану!

– Я человек слова, мой господин! – потянулся Карст Роде. – Коли признал себя твоим пленником, останусь таковым, пока не выкуплюсь. Что ответил русский властитель?

– Можешь искать корабль, баламут иноземный. Государь решил рискнуть. Но если подведешь...

– Да!!! – Датчанин рывком вскочил, прыгнул к сундуку и принялся натягивать сапоги.

⁸ Среди массы слухов, намекающих на трения Иоанна Грозного и митрополита Филиппа, нет ни одного, который указывал бы на присутствие в окружении Филиппа недовольных царем людей, не говоря уж об участии митрополита в заговорах. Самое ужасное из озвученных в исторической литературе разногласий митрополита и царя – это «опричник не снял в церкви тафью».

– Ты куда?

– Искать! Искать, боярин, искать, мой господин. Мне про пути ваши в Холмогорах многое понаказали. У вас тут Славянский волок рядом и преизрядно кораблей у торного пути зимует. Кого по невезению морозы застает, кто с умыслом в самом сердце путей остается, но судов вдоль Сухоны и по берегам Кубенского озера должно быть много. Глядишь, с кем-нибудь и сторгуюсь!

– Вот, зараза нерусская! – вздохнул боярин Леонтьев. – Мало мне без тебя хлопот было, так теперь еще и море Варяжское воевать!

– Не грусти, хозяин, я тебе пригожусь! – весело ответил датчанин. – Лучше холопов своих из поместья призывай. Кому еще на море воевать? У меня здесь своих людей нет.

Басарга красноречиво сплюнул. Карст Роде весело рассмеялся и выскочил за дверь.

Мысли о холопах и кораблях, о митрополите и строительстве отпустили подьячего только далеко за полночь, когда он целовал глаза своей ненаглядной княжны. Ее объятия, ее губы, ласки, дыхание были тем лекарством, которое вымывало из его души все мысли и тревоги и уносило в мир счастья и сладости, в мир блаженства и безмятежности, отнимающим все силы и выпускающим обратно к жизни уже очищенным и счастливым...

– Любимая моя, единственная, – выдохнул Басарга, расслабленно вытягиваясь рядом с Мирославой на мягкой, словно облако, перине. – Какое чудо, что ты тоже оказалась здесь, в Вологде...

– Иоанн последние годы часто сюда ездит, – ответила из темноты княжна. – И царица нередко вместе с ним отправляется. Повезло...

– Митрополит Филипп в везение таковое более не верит, – ответил ей Басарга. – Мы предназначены друг другу Небесами, и Всевышний делает все, чтобы мы были вместе.

– Эх ты его полюбил ныне, – рассмеялась невидимая женщина. – Волю дай, так, поди, обратно на кафедру вернул бы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.